

"Ангел смерти (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Доминга Дылда

Ангел смерти

Встреча в парке

Листья кружили по парку в такт музыке. Скоро осень устелет ими всю землю, утопит плиты дорожек и площадок, а пока только первые из них, зеленые, чуть подернутые желтизной, неспешно опускались вниз. Соня смотрела из своего укрытия на детской площадке, как нарядно одетые старички и старушки старательно выводили фигуры вальса. Они казались выпавшими из времени, немного гротескными, но очень милыми. Большинство пар не могли похвастаться наличием мужского пола, отчего выглядели еще трогательнее: женщины по двое, мужская и женская партия. Будто война для них никогда не заканчивалась — их мужчины так и не вернулись.

Стало смеркаться, и площадка заметно поредела. Старички собирались группами и, оживленно о чем-то беседуя и поддерживая друг друга под руки, шли к метро. А музыка все еще звучала из ближайшего кафе, приютившего их в несезон. Зажглись фонари. Соня сама не заметила, как улыбается, глядя на пенсионеров, и легко покачивается влево-вперед-вправо. Вот уже и последние из них потянулись к станции. Девушка осторожно приблизилась к площадке и замерла у деревянной перегородки, надежно укрытая сгущающимися сумерками.

На скамейке рядом с площадкой осталась одна единственная старушка, присевшая отдохнуть. Ее седые волосы обладали тем удивительным фиолетовым оттенком, который Соня уже не раз замечала на людях пожилого возраста. Почему из всех возможных цветов они выбирали именно этот, она не понимала. Лицо женщины казалось кукольным, несмотря на морщины. Очевидно, в молодости, она была очень красива и покорила не одно мужское сердце. Отчего же теперь ее никто не поддерживал под руку, не вел бесконечных бесед о здоровье, погоде и политике?

Вдруг старушка громко ахнула, выдернув Соню из ее философских размышлений, и девушка автоматически проследила за направлением ее взгляда. Там, в нескольких шагах, стоял высокий мужчина в темном идеально сидящем костюме.

«Внук», — предположила Соня, гадая, принадлежит ли он к новым успешным бизнесменам или просто из тех людей, что, даже работая обычными клерками, предпочитают выглядеть так, словно владеют миллионами. Но все же, вольно или невольно, но размышляла она о незнакомце с симпатией. Потому что невозможно было оставаться враждебной к человеку, который пришел поддержать свою бабушку. Тем временем мужчина приблизился к старушке, и та, вся расцвев, вскочила со скамейки, словно ее ноги не были натружены, и она только что не пыталась их остудить и дать покой утомленным суставам. Задорная девичья улыбка играла на ее губах, в глазах светилось откровенное кокетство, и — о, чудо! — они закружились вместе под музыку. Соня глядела на них, разинув рот от удивления. Надо отдать ему должное, мужчина вел прекрасно. Его спина была идеально ровной, а движения отточены, словно у профессионального танцора. Соня расслабила плечи: конечно, вот и объяснение его костюму — артист, актер, человек сцены.

Бабушка словно не знала устали: она все кружила и кружила в танце, не отставая от своего кавалера, и даже умудрялась время от времени что-то щебетать ему на ухо, заливаясь смехом. А когда они приблизились к Соне, ей открылось безоговорочное обожание в глазах женщины.

«О боже, это безумие какое-то», — подумала Соня, и тут же отмахнулась от этой мысли. — «Это

ведь ее внук, или сын, или какой-то родственник, верно? Скажите, что это так.» Но когда музыка прекратилась, а старушка, преданно глядя ему в глаза, потянула его руку к себе и нежно коснулась губами пальцев, никаких сомнений не осталось. Соня сдавленно выдохнула, не в силах оторвать глаз от разворачивающейся перед ней картины. Что за странная пара.

— Филипп, я думала, что больше уже никогда не увижу тебя, — проговорила женщина. — Я и не знала, что тебе нравятся танцы. Ты великолепно танцуешь.

— Ты мне льстишь, — почти холодно отозвался он, но старушка этого, казалось, не замечала. Она продолжала глядеть на него влюбленными глазами.

— Все это время ты помнил обо мне?

— О, да, — усмехнулся незнакомец, и Соне эта улыбка показалась хищной. Затем на его лицо легла печать усталости. — Нам пора, — мягко произнес он, склоняясь к своей спутнице и прижимая свою руку к ее сердцу. Соне на миг померещилось, будто его удлинившиеся черные пальцы цепко ухватились за сердце бедной женщины, а затем сжались. Старушка что-то еще бормотала, но губы ее замедлились, звуки стали невнятными, а лицо побледнело. Затем она выдохнула и тяжело опустилась на землю, а он лишь наблюдал за происходящим, как за чем-то само собой разумеющимся, и когда ее тело осталось неподвижно лежать на плитах, пошел своей дорогой, будто ничего не случилось.

Соня стояла, не в силах сдвинуться с места. Конечности словно задеревенели и перестали слушаться. Потом ступор спал, и она бросилась к женщине. Пульса не было. Впрочем, ничего удивительного, застывшие распахнутые прямо в небо глаза, говорили сами за себя. Соня бессильно опустилась рядом на землю, стараясь глядеть куда угодно, но только не на лицо умершей.

— Что случилось? — низкий коренастый мужчина в переднике бежал к ним от кафе.

— Похоже, умерла, — пробормотала Соня.

— Что? Как? — Он уже был рядом и тоже схватил старушку за безвольную руку. — Первую помощь оказывала или так и просидела? — накинулся он на Соню, потом встретился с застывшими глазами покойной и также поспешил отвести взгляд.

— Бабушка? — спросил он сочувственно, сменив тон и кивая в сторону тела.

— Нет, — покачала головой Соня, подымаясь, — просто мимо проходила.

— Оно и к лучшему, — закивал мужичок. — Видела, что случилось?

— Да, осела вниз, — сбивчиво произнесла Соня. — Сердце, наверное.

— Да, — вздохнул он, — они тут молодость вспоминают, и не всегда рассчитывают свои силы...

— Так это не первый раз? — ужаснулась Соня.

— Не первый, — кивнул он. — На прошлой неделе кавалера увезли, прямо в разгар вечеринки, — и усмехнулся. — Бравый был кавалер, девкам проходу не давал: и старым, и молодым. Даже за внучками бегал, — его лицо расцвело в улыбке. Соня невольно улыбнулась ему в ответ, потом их взгляды снова натолкнулись на женщину, и улыбки тут же растаяли.

— Ты иди, чего тебе тут сидеть, — махнул он рукой, — я вызову, кого надо.

— Хорошо, — Соня отряхнула совершенно чистую юбку и, немного помявшись на месте, пошла в сторону метро.

* * *

Так дико видеть смерть другого человека, скользнувшую рядом, почти задевшую тебя своим плечом. Мы все живем так, словно будем жить вечно. Мы вроде бы и знаем о смерти, но предпочитаем ее не замечать. Эти глаза, безжизненные руки, опадающие, словно плети — все, что останется от чудесных мгновений? От танцев, улыбок, любви? Все сойдет в прах, покинутое, как заброшенный дом? А незнакомец? Почему он бросил ее? Как мог сбежать? Испугался. Конечно, испугался: объяснений и расспросов, неизбежно последовавших бы от прибывших служб. Не хотел распространяться об их таких нелепых отношениях либо вообще скрывался от закона?

Соня вздохнула, прислонившись лбом к холодному стеклу дверей вагона. Сегодня ей было все равно, что о ней подумают остальные пассажиры. Пусть сочтут пьяной, ненормальной — их дело, сегодня ее это не волновало.

Но незнакомец там, в парке, она ведь видела, как его пальцы обхватили сердце или нет? Филипп — так его назвала женщина, страшный Филипп. О нет, он был красив внешне, но от всей этой истории мурашки бежали по коже. Сейчас он едет где-нибудь в своем идеальном костюме, а на губах играет идеальная улыбка, словно ничего не случилось этим вечером — почему-то именно эта картинка ярко вырисовывалась в голове Сони.

— Арсенальная, — прозвучало из динамика, и Соня с радостью приветствовала раскрывшиеся двери и прохладный воздух станции. В этот вечер удушьем метро и замкнутое пространство давили на нее, вынуждая рваться на поверхность.

Расскажет ли она кому-нибудь о случившемся? И Соня понимала, что нет. Будто с нее взяли обет молчания, будто о таком рассказывать не принято, словно она увидела что-то постыдное. Тишина казалась единственно правильной. Тишина и забвение. Забыть, выбросить из головы все произошедшее, стереть из памяти костюм, его руки, лицо, имя. Ничего не случилось, просто еще один вечер в парке. Люди умирают, это нормально. Особенно для стариков. Просто приходит время.

Тетя

Четвертая больница оказалась такой же, как и все другие, которые в своей жизни видела Соня. Длинные коридоры, ворчащие технички со страшными ведрами с загадочными надписями красной краской «кор1», «кор2», «опер». Двери с номерами палат и табличками кабинетов. И шаркающие по коридору больные в спортивных штанах, с выдувшимися коленями и обязательными лампасами, женщины в махровых халатах, пытающиеся спрятаться в них от окружающей реальности. И, конечно же, кровати на колесиках, чтоб можно было прокатиться, лавируя между «кор2» и «опер». А еще запах: аптеки, детского сада, навеянного скрывающейся в недрах коридора столовой, и болезней.

— Ой, да не надо было беспокоиться, — причитала тетя Ира, разбирая передачу, которую для нее соорудила Сониная мама. — У меня тут и так все есть.

— Как Вы, тетя Ир? — спросила Соня, присаживаясь на край кровати.

— Да ничего, все в порядке. Доктора говорят, скоро буду, как новенькая.

— Ага, и помолодеем все лет на десять, — засмеялась ее соседка.

— Это Тамара Ивановна, — улыбнулась Ира, представляя Соне свою подругу.

— Как сама? Как мама? Как у вас дела?

— Да все, как обычно, — Соня смотрела, как ветер колышет занавеску на приоткрытом окне, а лучи солнца добираются до противоположной стены, где завернутая в одеяло, спит еще одна женщина. Рядом стояло еще две пустых кровати. Палата на пять мест.

— А нового что?

Соня едва заметно вздрогнула на этом вопросе, вспомнив единственную новость, выбивавшуюся из привычной рутины, и тут же постаралась затолкать свои воспоминания поглубже.

— Да ничего, тетя Ир. Я ненадолго зашла, мне уже бежать надо, — Соня наклонилась к тетке и, чмокнув ее в осунувшуюся щеку, попрощалась с ней и с соседкой.

— Молодежь пошла — все бегут куда-то, — услышала она напутственные слова Тамары Ивановны.

Что ж, Ире, по крайней мере, не одиноко — она нашла себе подругу по убеждениям. Пусть перетирают кости молодежи и современному миру, лишь бы не впадали в уныние и не думали о своих болезнях, не жалели себя. Те, кто возмущаются и борются, скорее выздоравливают.

С такими мыслями, улыбаясь, Соня почти добралась до лифта. Но тут коридор огласил душераздирающий мужской крик.

— Боже, — Соня шарахнулась к стене, переводя дыхание. Вроде бы не психиатрическое отделение. Так что же? Анестезия закончилась? Затем тишину больницы прорезал еще один крик ужаса.

— Не стой столбом, — заорала на девушку вылетевшая из-за угла санитарка. — У сестер пересменка, помощи. Идем со мной, — не церемонясь, женщина потянула Соню за рукав. Вырваться от нее и бежать, сломя голову, было бы, возможно, и правильно, но вместе с тем жутко трусливо и непорядочно, поэтому Соня подчинилась и последовала за санитаркой. Они вскочили в мужскую палату как раз в тот момент, когда грузный мужчина в возрасте что-то нечленораздельно хрипел, привалившись к стене. Пустая кровать стояла посреди комнаты.

— Что тут такое? — грозно потребовала ответа женщина, откатывая кровать на место и приближаясь к возмутителю спокойствия. Он по-прежнему был невменяем и только сипел что-то с пола. — Что вы тут устроили? — ее голос набирал обороты и уверенности. Она ступала на родную территорию: ей устроили погром и испачкали пол. Гнев был карающим и мгновенным. — Два мужика, сидят тут, и что учудили!

— А я что? — отозвался с дальней кровати второй больной. — Подсадили ко мне какого-то психа. Я что, не в хирургии? Переведите меня в другую палату, я уже давно просил.

— Куда? — развернулась к нему техничка. — У нас одна мужская палата на этаже, сколько Вам можно повторять!

— Тогда что вы от меня хотите? — развел он руками.

— Что тут случилось? — женщина обвиняющим жестом ткнула во всхлипывавшего мужчину у стены.

— А я почему знаю? — возмутился сосед. — Я спал вообще! Пока он меня не разбудил своими воплями...

— А ты, чего нюни распустил? Вставай давай. Вставай, нечего валяться, — она попыталась поднять его с пола, но он был слишком тяжел для нее одной. Тогда санитарка вновь призывно посмотрела на Соню. Вдвоем они с горем пополам сумели водрузить его назад на кровать.

— Чего Вам вздумалось тут истерики устраивать? — сурово спросила она больного.

— Ко мне приходил он, — выдохнул несчастный.

— Кто? Главврач? — подозрительно поинтересовалась техничка.

— Демон, проклятый демон-убийца, с клыками, сочащимися кровью, — глаза больного засветились нездоровым огнем, и обе женщины отшатнулись от него на безопасное расстояние. — Он придет за всеми нами. Проклятый страж смерти, но я ему так просто не дам, не-ет.

— Ого, на каких лекарствах вы их тут держите, — нервно пошутила Соня, пытаясь разрядить обстановку. Но женщина лишь кинула на нее уничижительный взгляд.

— Что случилось? — в комнату влетела сестра, на ходу завязывая халат.

— Да вот, нервный срыв, — констатировала санитарка, и, заметив возмущение на лице пациента, стала укладывать его в кровать, как маленького ребенка.

— Ты ложись давай, родимый, вот так, хорошо. — Подложила ему подушку под голову и накрыла одеялом. — Поспи немного, глядишь — демоны и исчезнут.

В то же время сестра уже делала ему укол в вену.

— Он приходил за мной, — уже вяло, почти не сопротивляясь, пробормотал мужчина и через несколько секунд закрыл глаза.

— Чего он разбушевался? — спросила сестра, убирая шприц.

— Демоны привиделись, — пожалала плечами санитарка, недовольно глядя на бардак в палате. — А вас где так долго носило, когда вы нужны?

Затем они, ссорясь, вышли из палаты. А Соня так и осталась стоять, совершенно позабытая всеми. Но как только она направилась к двери, сосед снова подал голос.

— Простите, девушка, вы мне не можете? Не могли бы вы тут немного посидеть, ну, на случай чего и за вещами приглядеть. А я бы сходил попросился куда на другой этаж. Сами понимаете, — он кивнул в сторону мирно спящего безумца.

— Хорошо, — Соня покорно опустилась на свободную кровать. После всего произошедшего она еще не пришла в себя и потому не вполне отдавала себе отчет в том, что делает. Иначе ни за что не согласилась бы остаться с ненормальным наедине.

Пациент пулей вылетел в дверь. Человек-ракета — иначе и не скажешь. «Что он тут лечит? Уж точно не ноги», — подумала Соня. А потом все звуки затихли, и больше никто не показывался. И о ней, и о странном пациенте все забыли. Соня встала, походила по комнате, от скуки даже выглянула в окно.

— Нет, пожалуйста, — мужчина на кровати захныкал, словно ребенок во сне.

Соня обернулась в его сторону и обмерла. У его постели сидел тот самый человек, которого она видела со старушкой в парке. Только теперь он был одет в джинсы и легкий джемпер на голое тело. И даже в этой простой одежде он умудрялся выглядеть благородно. Соня невольно засмотрелась на идеально гладкую кожу его груди, видневшуюся в вырезе. От него исходило ощущение силы и опасности, настолько острое, что собственная воля тут же выбрасывала белый флаг.

На этот раз его руки потянулись к животу несчастного, и Соня с ужасом увидела, как его пальцы погрузились вглубь. Когда они добрались до внутренностей, пациент издал длинный истошный вопль.

Крик выдернул Соню из ступора, и она со всех ног бросилась в коридор. Странно, но незнакомец даже не попытался ее остановить. Насколько был увлечен или самоуверен? Теперь Соня не сомневалась, что он причастен к смерти женщины. «Внук» из парка оказался маньяком-убийцей, приканчивавшим свои жертвы изощренным способом.

— Сестра! — Соня неслась по коридору, не разбирая дороги.

— Тише ты! — ухватила ее санитарка. — Нам тут и так криков хватает! Таня уже бежит с лекарством. Сейчас ему двойную уколем — и все будет хорошо.

— Но его же там... он же... — начала Соня и запнулась. О чем она говорит? Незнакомец, наверняка, уже снова успел улизнуть. А если она продолжит, то с учетом того, что рассказывает пациент, ей вколют следующую порцию успокоительного и уложат на соседнюю кровать. И где тогда гарантия, что незнакомец не вернется за ней, и она не станет следующей? Соня открыла рот и закрыла его вновь, хорошенько все взвесив.

— Да, конечно, — кивнула она санитарке. — Мне пора, — добавила чужим охрипшим голосом.

— Давай, иди, — кивнула женщина, направляя ее в сторону лифта. — И, спасибо.

Соня кивнула в ответ и зашагала к лестницам: там всегда курят врачи — не так страшно, что кто-то застигнет тебя один на один.

Соня никогда не считала себя трусихой, но теперь она без конца озиралась и вздрагивала каждый раз, когда кто-то из персонала или больных оказывался к ней слишком близко. Она преодолевала лестницу, словно полосу с препятствиями, задыхаясь, несмотря на то, что двигалась достаточно медленно. Наверняка ее глаза были расширены от ужаса, но это место изобиловали людьми с проблемами, и только потому, наверное, на нее никто не обращал внимания. Ползущая вдоль стены, беспрестанно озирающаяся и дышащая, как паровоз. Но ей мерещилось, что страшные руки незнакомца вот-вот вырастут прямо из больничной стены и дотянутся до нее, достанут, сожмут — и тогда ей конец. Было во всем этом что-то, отдающее откровенным сумасшествием, ведь то, что она видела, не могло происходить на самом деле. Люди не умеют опускать руки в чужую плоть, словно в воду. Она видела такое только однажды, по телевизору, и те люди были с далеких островов, их называли, кажется, хилерами, да и то всем было ясно, что это лишь фокус. Быть может, она нанюхалась чего-то в той ненормальной

палате, или часть лекарства каким-то образом попала в ее кровь. Любое самое фантастическое предположение было лучше, чем поддаться панике. Страх сковал ее сердце не хуже рук незнакомца, но пока Филиппа не было видно, она способна еще была убежать и бежала. Пусть каждый шаг давался с бесконечным трудом, все же это было бегство. Она заставила себя дышать медленнее, всмотреться в людей вокруг, успокоиться. Она в безопасности, в безопасности, — как заклинание, твердила Соня снова и снова.

Случайное ДТП

Дороги были запружены, как всегда. И, когда им удалось вырваться из пробки, Денис надавил на газ, и машина, взвизгнув, понеслась по окружной.

— Денис, что ты делаешь? — возмутилась Соня, а он лишь скорчил гримасу в ее сторону.

— Ну ты и трусиха, Софья. Как ты вообще будешь по городу за рулем ездить?

— Вот я и не езжу. Потому что все дороги уже заняты психами, — огрызнулась Соня.

— Да ладно тебе, — примирительно произнес он, и похлопал ее по коленке.

Она ненавидела такие моменты. Формально Денис был ее босом. И ей не стоило портить с ним отношения. Но когда он так себя вел, ей хотелось треснуть его от всей души, чтобы он больше никогда и нигде не прикасался к ней так, словно она его собственность.

— Ладно, забыли, — кивнула она. — Только езжай спокойнее, пожалуйста.

— Да пожалуйста, могу вообще ползти, — он демонстративно перестроился в другой ряд и переключился на третью передачу.

— Что там, снова пробка? — Соня обеспокоено посмотрела на очередное скопление машин впереди.

— Здесь не должно быть, — нахмурился Денис, перестраиваясь влево. — Видимо, авария.

Машины толпились, пытаясь объехать место аварии. У бордюра стояла развернутая фура, возле нее — разбитая в хлам легковушка. На тротуаре недалеко лежало уже накрытое тело, из-под ткани только торчали ноги в туфлях. А на проезжей части лежал еще один человек, парень, совсем еще ребенок. И над ним склонился... Филипп, в потертых джинсах и футболке. Парень явно боялся, потому что его глаза были широко распахнуты от ужаса. Но по мере того, как Филипп что-то ему говорил, подросток понемногу успокаивался и, наконец, совсем безразлично посмотрел вверх. Тогда Филипп обхватил его голову руками — и снова у Сони появилось это ощущение ирреальности происходящего, когда его пальцы прошли сквозь череп пострадавшего — и сжал их. Глаза парня закатились и, издав хрип, он отошел в лучший мир.

— Срань господня, что там происходит такое? Чувак только что откинулся, так? — Денис не мог рассмотреть все, как следует, вынужденный постоянно отвлекаться, чтобы выруливать между машинами. Он лишь время от времени бросал взгляды в правое окно.

— Да, он умер, — проговорила Соня непослушными губами. Тем временем в правое зеркало она увидела позади, как незнакомец поднялся и на виду у десятка свидетелей, никем не удерживаемый, спокойно пошел своей дорогой.

— Что же это такое, — прошептала Соня, холодея. Как он мог так делать? Что происходит? Его

никто не видит, кроме нее? Ну, и кроме жертв, которые видят его по-разному. Мужчина в больнице видел демона. Старушка в парке — Филиппа, от которого ей явно не хотелось убежать в ужасе. Возможно, Филипп был кем-то, кого та знала в прошлом. Вырисовывалась совершенно безрадостная картина: Соня видит некоего призрака, кормящегося смертью других людей? От подобных мыслей пробирал мороз. И не слишком ли много смертей выпало на ее долю в последнее время?

Денис всю оставшуюся дорогу ехал спокойно, соблюдал правила и даже пристегнулся. Похоже, на него увиденное тоже произвело эффект. Его рука больше не тянулась к коленям Сони, а шутки закончились, наполнив салон автомобиля тишиной. Неужели он никогда всерьез не задумывался, к чему может привести его езда? Тоже верил в то, что бессмертен? Как все мы, безумцы, строящие свою жизнь из песка, готового рассыпаться в любую секунду. Ничем не лучше бабочек-однодневок, возомнивших, что доживут до следующего лета.

— Жутко как-то, да? — заговорил он.

— Да, — согласилась Соня скорее со своими мыслями, чем с тем, что имел в виду Денис.

— Может, надо что-то в жизни исправить? Я тут подумал...

— Да?

— Давно на рыбалку хотел. Завтра возьму отгул и поеду, — он усмехнулся и, крутанув рулем, выскочил в боковую улицу.

Кофе и сигареты

Мама настояла на том, чтобы Соня поехала с ней забирать тетю из больницы, когда ее выпишут. Ира чувствовала себя на удивление бодро, и самостоятельно стала спускаться по лестнице, когда они так и не дождались лифта. Мама заваливала ее вопросами, желая знать все подробности насчет операции и выздоровления, а Соня невольно вспоминала тот день, когда оказалась здесь впервые.

— Мам, я вас догоню, — бросила Соня, устремляясь назад по коридору.

— Сонечка, ты куда? — обернулась тетя.

— Да наверняка забыла что-то, — отмахнулась мама, придерживая сестру и помогая ей спускаться, хотя та прекрасно справлялась сама.

Соня заглянула в сестринскую и не увидела там ни одного знакомого лица.

— Девушка, вы кого-то ищете? — спросила одна из сестер.

— Нет-нет, извините, — Соня, смутившись, побрела назад по коридору и, заворачивая за угол, нечаянно налетела на ведро.

— Смотри, куда прешь, — выругалась санитарка, и подняв голову, уставилась на Соню.

— Простите, — Соня всмотрелась в женщину и узнала недавнюю знакомую. — Здравствуйте.

— А, это ты. Здравствуй, — уже более миролюбиво проворчала та.

— Как ваш пациент? — испытывая неловкость и запинаясь, произнесла Соня.

Женщина бросила на нее тяжелый взгляд, потом вздохнула и, опершись руками о швабру, ответила:

— Умер той же ночью. От внутреннего кровотечения. Видно, швы после операции разошлись. — Она покачала головой. — Еще бы, так орать и дергаться.

— Он снова кричал?

— Нет, больше нет. Похоже, он так и не проснулся.

— А это не могло быть от успокоительного? — с надеждой спросила Соня.

Женщина сердито посмотрела на нее:

— Не мели глупостей. — Ее швабра зло заходила по полу. — Давай, иди уже, нечего тут топтать. — И задела тряпкой по Сониной ноге.

Но девушке и ни к чему было задерживаться — она и так узнала все, что хотела. Он убил его. Филипп, или кем бы он ни был на самом деле, не оставлял после себя живых. И его никто не видел, кроме нее самой и приговоренных. Что, если бы их удалось вырвать из его рук, помогло бы это их спасти? Соня сама не заметила, как приехал лифт, его двери открылись, и она на автомате вошла внутрь. С ней в кабине оказалась молодая девушка, почти ее ровесница. Волосы незнакомки были покрашены в радикальный черный цвет, на тело накинут такой распространенный здесь домашний халат, а на ногах красовались тапки. В пальцах правой руки она нервно мяла сигарету.

— Задолбали своими запретами, — бросила она Соне, и Соня неуверенно взглянула на нее, не зная, что ответить. — И автомат с кофе — один, на первом этаже, — добавила незнакомка. Ей явно было плохо, но не от болезни. В движениях сквозило что-то нервное, напряженное и неуравновешенное. Наркотики?

Они доехали до первого этажа, и двери раскрылись. Соня увидела в холле как раз выбравшихся с лестничной клетки маму с тетей, а девушка — свой долгожданный автомат. Проследив за странной девушкой взглядом, Соня едва не застряла в дверях: там, у автомата, прислонившись к нему в расслабленной позе, стоял Филипп.

«Господи, это когда-нибудь прекратится?», — подумала Соня и шагнула в холл. Она наблюдала, как девушка подошла к автомату и стала рыться в карманах штанов, надетых под халатом, в поисках мелочи. Потом протянутую руку Филиппа, предлагающего девушке монетки. Улыбку в ответ, их диалог. Судя по всему, он не казался курильщице знакомым, но явно располагал в ее представлении к общению. Затем он услужливо подал ей стакан с кофе и предложил зажигалку. Соня не отрывала от них взгляда, думая о том, чтобы помешать ему, когда мама взяла ее под руку и сообщила:

— Такси уже ждет снаружи, идем.

Такси действительно ждало их возле входа. Мама все также с утроенной осторожностью стала помогать тете сесть в машину. Ира отбивалась, как могла, уверяя маму в своей полной дееспособности. Таксист со скукой наблюдал за препираниями двух женщин. Соня поставила кулек с вещами Иры на заднее сидение и вновь взглянула на здание больницы. Филипп и девушка вышли наружу, девушка закурила, вернула зажигалку, а потом благодарно приняла из его рук бумажный стаканчик и сделала жадный длинный глоток. Тогда стаканчик неуверенно дрогнул в ее руке, сигарета выпала из сведенных судорогой пальцев и, схватившись за горло,

она рухнула на асфальт. Тут же к ней бросились кутившие в стороне врачи, засуетились окружающие, кто-то стал оказывать первую помощь. Только что-то подсказывало Соне, что девушке уже ничего не поможет. Филипп не смотрел на Соню. В сущности, он ни на кого не смотрел, словно люди для него не существовали. Он, как всегда, развернулся и пошел дальше по своим делам.

— Соня, поехали, — позвала мама. — Там столько врачей — без нас справятся.

— Да, — Соня опустила на переднее сидение и закрыла за собой дверь.

— Это еще хороший вариант, я так считаю, — встрял таксист. — Тут вся помощь рядом.

Мама согласилась с ним, и у них, наконец, завязалась беседа, которая каким-то образом плавно перетекла на тетины проблемы со здоровьем. Дальше Соня уже не слушала. Она думала о Филиппе, и о том, что поспеши она, сделай хоть что-нибудь, и, возможно, девушка не умерла бы. Возможно. А возможно, незнакомец понял бы, что она его видит, и также безжалостно разделался с ней, как и с остальными. Его никто не замечает — это факт. Следовательно, он и не ожидает, что его видит Соня. Вот почему ему было абсолютно плевать на нее и там, в палате с ненормальным, и где бы то ни было еще. Он привык, что люди его не видят, и не обращает на них ровно никакого внимания, кроме тех, кто является его целью. Эти — да, всецело поглощают его внимание, и для каждого из них он предстает кем-то особенным. Видят ли они то, что заслуживают? Или это всего лишь его прихоть: будут их мучить кошмары или умилять последние секунды жизни. Четвертая смерть за последний месяц, и все на его счету. Страшная мысль закралась в голову Сони: быть может, он не пропускает ни одной. Быть может, он нечто большее, чем голодный призрак. Соня заставила себя отвлечься и вникнуть в разговор в машине. Лучше было слушать любую ерунду, но только не думать о подобных вещах.

Поиск ответов

— Мусь, ну возьми меня с собой, — жалобно попросила Соня, выдавливая улыбку.

— Сонька, ты же никогда не интересовалась такими вещами, — удивилась подруга, с искренним изумлением глядя на девушку.

Соня горестно вздохнула.

— Ладно-ладно, возьму. Мы все равно собирались идти в эту субботу. И с чего ты вдруг решила удариться в религию?

— Я не решила, — проворчала Соня, поворачиваясь к ней спиной и рассматривая побрякушки на полках. — Мне просто надо поговорить со священником.

— С тетей твоей все в порядке? — спохватилась Маша.

— Да, с ней все хорошо, уже вернулась домой.

— Тогда что стряслось?

— Да ничего, грехи замучили, — вяло улыбнулась Соня, и Машка покачала головой. — Ладно, есть у меня пара философских вопросов.

— Знаешь, сомневаюсь я, что кто-то станет на них отвечать.

— Разве духовные отцы не беседуют со своими чадами?

— Не знаю, — пожала плечами Маша, — мы туда с Лесей идем, чтобы исповедоваться, ну и свечки поставить.

— А проводник у вас кто?

— А, моя бывшая сотрудница, Таня, но она глубоко верующая. Все выходные в монастыре проводит.

— Ну, вот и отлично.

Маша с сомнением покачала головой.

— Не забудь косынку на голову.

— У меня куртка с капюшоном, — улыбнулась Соня и чмокнула подружку в щеку.

В церкви было душно и скучно. И многолюдно. Служба тянулась уже третий час, и даже стояние на каждой ноге поочередно не спасало от глобальной усталости. Соня с завистью смотрела на старушек, примостившихся по сторонам на раскладных стульчиках. К последним она себя еще не причисляла, но с радостью куда-нибудь присела бы. Соня опоздала, как обычно, и не успела познакомиться с Таней. Девочки прямо в храме шепотом проинструктировали ее: план состоял в том, чтобы отстоять службу, потом в промежутке исповедоваться у какого-то «правильного» батюшки, а затем совершить какой-то ход, подойти под помазание, съесть хлеба с вином и достоять до конца. Последний пункт программы теперь казался ей недостижимым.

Толпа начала тесниться к стенам, и Соня, вытянув голову и изредка перешептываясь с подружками, смотрела, как целая делегация поющих священников прошествовала мимо, затем развернулась и вдоль противоположной стены пошла обратно. Потом в какой-то момент они встали, выстроившись в шеренгу по двое, друг напротив друга, снова долго что-то пели, и, наконец, ушли. Соня уже было обрадовалась, что сейчас начнется помазание и раздача хлеба — хоть какое-то движение для несчастных ног, но надеждам ее не суждено было сбыться: действие вернулось на круги своя.

— Сонь, ты что, уснула? — больно дернула ее Маша. — Идем, пришел уже тот батюшка.

— А, — очнулась, уставшая и обалдевшая от запахов и звуков Соня. И стала проталкиваться между людей следом за подружкой.

Батюшка, в таких же черных одеждах, что и остальные, только с цветной лентой на шее, устроился у окна и принимал грешников. Никакой конфиденциальности даже близко не наблюдалась. Остальная толпа страждущих стояла прямо перед ним, наступая исповедующимся прямо на пятки. Иногда, как заметила Соня, они даже вставляли свои пять копеек. «И где же священная тайна исповеди?», — подумала она, — «что это за колхоз?»

— Иди, иди давай, — толкнула ее Маша, и Соня, в капюшоне, потупив взор, подошла к батюшке.

— Так, и кто это тут у нас? — прищурившись, взглянул на нее святой отец. — Чего в брюках пришла? Это грех. И на голове у тебя что? Капюшоны, шапки всякие — нельзя. Должна быть

косынка. — Внешне он сильно смахивал на мужичка, простого и работающего, копающего картошку где-нибудь на огороде. Ничего возвышенного или высоко духовного, или хотя бы отчасти философского и утонченного в чертах его лица не было. — Как зовут? Крещеная?

Он забрасывал ее стандартными вопросами, подгоняя, чтобы Соня быстрее перешла к перечню своих грехов. Заодно не забыл поинтересоваться, кем и где она работает. Прощупывал, что ли, материальное благосостояние своей паствы.

— Батюшка, — подошла Соня к самому главному, — а в христианстве существует описание смерти? Или каких-либо сущностей, которые могут лишать человека жизни?

— Что? Что за ересь ты несешь? — вскинул брови батюшка.

— Ну, нечто, что описывало бы переход из одного мира в другой...

— Молитву первую и шестую Богородице читай, всю подготовку к исповеди, вечерние и утренние молитвы ежедневно. Деньги есть? Купишь себе молитвенник в лавке.

— А как же...

— Так, иди с Богом.

Опешившая Соня сделала пару шагов в сторону, и ее место заняла другая женщина, которая прильнула к батюшке макушкой, о чем-то с ним советуясь. Так странно — вот и все. И ни одного ответа на ее вопросы.

— Ну что? — спросила Маша, когда они вышли, наконец, со службы.

— Ничего, — ответила Соня, — ты была права. С ним нормально поговорить не удалось.

— Я же говорила, — пожала плечами Маша. — А Леся вообще на исповедь к другому подалась, видела? Нашла себе молоденького, — засмеялась она. — Так он ей даже свой телефон оставил.

— Здорово, а он, чисто случайно, не знает...

— Соня, — Маша укоризненно посмотрела на подругу.

— Ладно-ладно, поняла. — Соня повернулась и пошла за потоком в сторону выхода с территории монастыря.

— Ты завтра пойдешь причащаться? — спросила Маша, нагоняя ее.

— А во сколько?

— В семь. Только до завтрашней службы ничего не ешь и не пей, мне Таня сказала. И надо прочитать из молитвенника вечерние молитвы и подготовку к причастию.

— Во сколько? — переспросила Соня. Она в жизни не вставала в такую рань, даже в будние дни, не то, что в выходной. — Не, Мусь, спасибо, но это уже без меня.

— Э-эх, грешница ты нераскаянная, — усмехнулась Маша, — не получила ответов на свои вопросы — и бежать.

Соня ничего не сказала в свою защиту. Она лихорадочно думала, к кому еще можно

обратиться. Помнится, батюшка спрашивал, не ходила ли она к гадалкам и знахарям, но от самой формулировки их профессии Соню воротило. Даже в названии не было ничего достоверного — тыканье пальцем в небо. А так она и сама может. Соне нужны были ответы, хоть что-то, хоть какая-то теория. Ведь не могла же она оказаться первым человеком за всю историю человечества, столкнувшимся с подобным явлением.

— Ты где опять витаешь? — спросила Маша. — Снова среди своих философских категорий? Мне кажется, ты священника сегодня не на шутку разозлила.

— Да бог с ним, со священником, — отмахнулась Соня.

— Ну, где-то так и должно быть, — усмехнулась Маша и поцеловала ее в щеку на прощание.

* * *

— Как рыбалка? — Соня смотрела на загорелого и расслабленного после выходных Дениса.

— Отлично, хотя погода немного подкачала.

— Много рыбы наловили?

— Не то чтоб гору, но было пару вполне хороших. Послушай, что ты темнишь? Ты хотела попросить о чем-то? — напрямую спросил он.

— Нет, спросить. Если у тебя возникает какой-то неразрешимый вопрос, которому нельзя найти рациональных объяснений...

— Нет таких вопросов, у которых не было бы рациональных объяснений, — прервал ее он.

— Ну, что-то из области нематериального, нереального...

— Я не страдаю всякой ерундой вроде увлечения магией и прочей херней, — отрезал Денис, и Соня едва не застонала. Впрочем, чего она еще ожидала от практичного Дениса.

— А в чем дело?

— В последнее время я слишком часто вижу, как люди умирают, — бросила она.

— Видела еще одну аварию? — его взгляд стал встревоженным.

— Нет, — покачала головой Соня, — в больнице.

— В больнице постоянно кто-то умирает, на то она и больница, — резонно заметил Денис. — А на кладбище так вообще, не поверишь, сплошные покойники.

— Хватит издеваться.

— На самом деле, я не издеваюсь, — он небрежно привлек ее к себе, и Соня напряглась. — Но я могу помочь тебе забыть о всяких глупостях и расслабиться.

— Это ты предлагаешь всякие глупости, Денис, — выдавила она, — отпусти.

— Иди, — он разжал объятия, — но знай, что я всегда здесь, — и подмигнул ей.

— «Придурок», — мысленно выругалась Соня, а потом назвала душой саму себя за то, что затеяла этот разговор с ним. Денис — последний человек, с которым стоило говорить на тему потустороннего. Любителя фэнтези Мишу Соня также отбросила: он мог ей процитировать почти любую из свежих фэнтезийных книг, но совершенно ничего не знал о реальности. Ей же нужен был кто-то, кто бы сочетал в себе качества веры и рационализма.

* * *

— Ты какая-то сама не своя последнее время, — заметила Ира, наполняя чашки из пузатого чайничка. — Что-то случилось на работе?

Соня уже готова была рвать и метать от вопроса окружающих «что-то случилось?». Да, случилось, она видит, как умирают люди, вернее, не так: как их лишает жизни призрак-невидимка. Она не может пойти в милицию с заявлением, церковь ничего об этом слышать не хочет, а если и хочет, то ей за всю жизнь не отыскать этих людей. Сотрудники и друзья ей тоже в этом деле не помощники.

— Нет, так, мучают некоторые религиозные вопросы, — зачем-то сказала она тете.

— А, метания, поиск смысла жизни, — Ира опустила на стул напротив Сони. — Для того, чтобы найти ответы, мало одного источника.

— О чем Вы, тетя Ир?

— О христианстве.

— Читать Коран меня как-то не тянет, — отозвалась Соня, отпивая горячий чай.

— Есть и другие течения, — загадочно начала тетя.

— Нет, только не сектанты. Мне кажется, в их головах еще больший бардак, чем у невеж.

— Вообще-то я говорю о буддизме, — вздохнула Ира, расстроившись оттого, что Соня никак не дает ей договорить.

— Вы думаете, в нем могут быть ответы, которых нет в христианстве?

— Очень может быть, — пожала плечами Ира. — Когда-то христианство тоже верило в то, что люди перерождаются, а потом, на очередном вселенском соборе было принято, что реинкарнации нет. Просто голосованием собравшихся, в угоду властям.

— Я не очень верю в реинкарнацию, тетя Ир, — мягко начала Соня, — мысль о том, что я была в прошлой жизни жабой или червем, меня не очень вдохновляет.

— Может, будешь в следующей, — обезоруживающе улыбнулась Ира.

— Очень мило, — усмехнулась в ответ Соня.

— София, ты ведь очень умная девочка, — произнесла тетя, отлавливая Сонины руки и накрывая их на столе своими. — Твое имя означает...

— Мудрость, знаю-знаю...

— Верно, а, значит, ты найдешь ответы, которые ищешь, — глаза Иры излучали тепло.

— Хорошо бы, — проворчала Соня, отводя взгляд. Выражение бескорыстной любви на лице ее тети смущало и трогало.

— Вот адрес, там ведет занятия один интересный человек. — Ира быстро набросала что-то на клочке бумаги. — Поговори с ним, — заметив на лице девушки недоверчивое выражение, Ира продолжила: — Это не вербовка, просто поговори. Возможно, ты найдешь свои ответы.

Последней своей фразой тетя попала в точку. Соня сжала в руках листик с адресом. Что ж, она уже наделала немало глупостей, еще одна ее репутации не повредит.

Господин Пен

— Проходи, оставь обувь у порога, — протезе Иры оказался сухоньким старичком с восточной внешностью. Они сели на подушки возле низкого столика, подогнув ноги под себя. Он молча изучал Соню из-под опущенных век и не торопился с разговором.

— Мне порекомендовала Вас моя тетя, господин... — Соня смущенно уставилась в бумажку, не в силах разобрать буквы.

— Чу Пен, — улыбнулся старик. — Пей чай, — он подвинул к ней крохотную чашечку свежего чая.

— Спасибо, меня зовут София. — Старик располагал своей непосредственной манерой говорить и очевидным радушием.

— Так что ты хотела знать?

— Знать? — Соня замялась на пару секунд. У нее что, на лбу написано, что ее мучают вопросы? — Хотела знать, бывают ли духи, которые отнимают у людей жизнь, — собравшись с силами, выпалила она.

Чу Пен даже не вздрогнул и не нахмурился, и не накинулся на Соню с негодованием. Он все также безмятежно продолжал восседать напротив нее на подушке.

Девушка подняла чашку, вдохнула удивительный аромат, сделала глоток, — и чашечка опустела. Тогда Чу Пен потянулся к чайнику и налил ей свежую порцию.

— В нашей традиции считается, что когда человеку приходит время покинуть этот мир, за ним приходит демон смерти и забирает его в свое царство.

— Демон?

— Когда-то раньше, в старых текстах, его еще называли богом Ночи, потом богом смерти, а потом понизили до демона, — Чу Пен рассмеялся тихим трескучим смехом. — Мы называем его Табрал.

— Табрал, — звуки будто проваливались вниз, вызывая горловую вибрацию.

— Не злоупотребляй этим именем, девочка, — предупредил Чу Пен, — оно может потревожить его чуткие уши.

— Вы верите, что он существует?

— А разве люди живут вечно? — вопросом на вопрос ответил Чу Пен.

— Нет, но...

— Что но?

— У них обычно останавливается сердце, или болезнь разрушает тот или иной жизненно-важный орган, в результате чего и наступает смерть. Никакие демоны или боги в этом не участвуют.

— Так полагают западные люди, — кивнул Чу Пен. — Только что тогда становится причиной болезни? Отчего один здоров и живет до ста лет, а другой умирает, едва повзрослев?

— Гены, условия жизни... — начала перечислять Соня.

— Дыхание Табрала. Люди заболевают из-за отравляющего дыхания демона. А потом он приходит за ними и забирает их.

Мороз прошел по коже Сони. Было что-то в словах Чу Пена такое, что напоминало ей увиденные картины.

— А они видят его? Те, кого он забирает?

— Конечно, видят, — кивнул старик. — Он предстает перед ними в разных обличьях: для кого-то в виде их утраченных возлюбленных, кому-то — в виде сияющей птицы в небе, за которой они следуют на край пропасти, а кому-то — в виде ужасного демона с острыми зубами.

Соня вздрогнула, и ей вдруг показалось, что в комнате стало жутко холодно, а чай совершенно не согревает.

— А те, кого он отравил своим дыханием, видят его? — с замиранием сердца спросила она старика.

Чу Пен пожал плечами.

— Кто-то, возможно, видит. Но обычно те, кто его видят, уже ничего не рассказывают. Бывает такое, что люди переживают свою смерть, но это лишь означает, что Табрал заберет их в следующий раз.

— А от чего зависит то, в каком виде перед людьми предстает Табрал?

— От их жизни, поступков, — Чу Пен поменял ноги, оставшись сидеть в той же позе с идеально ровной спиной. — За злые дела ждут муки, и в мирах Табрала его слуги подвергнут умерших невыносимым страданиям. Хорошие дела вознаграждаются.

— Просто рай и ад, — пробормотала Соня.

— Да, другие религии описывают те же вещи, — согласился Чу Пен. Потом, помолчав и глотнув чая, произнес: — Могу я спросить, почему ты задаешь эти вопросы? Откуда такой интерес к смерти?

— Нас ведь всех она ждет, — легкомысленно пожала плечами Соня. — Да и тетя недавно пережила операцию, — добавила уже честнее, взглянув на Чу Пена.

Старик замолчал, прикрыв глаза, и Соня через какое-то время подумала, уж не заснул ли он, когда глаза его, наконец, распахнулись, и он резко выдохнул:

— Ты ведь знаешь, верно?

— Что? — напряглась Соня.

— О том, что ты сама, как и твоя тетя, отравлены дыханием демона?

— Как? — опешила Соня. — Тетю прооперировали, и сказали, что она идет на поправку.

— Я же не сказал, что выздоровление невозможно, — покачал головой старик, — я лишь сказал, что вы обе отравлены.

— Это невозможно, — запротестовала Соня. Она чувствовала себя отлично, не считая ночных кошмаров, и у нее ничего не болело.

— Врачи не сразу могут увидеть яд, но рано или поздно он даст о себе знать.

— Вы меня обнадежили, — пробормотала Соня, начиная подниматься на ноги. Левая нога жутко затекла, и теперь колола тонкими иголочками.

— Никто не живет вечно, — изрек старик, вновь прикрывая глаза. Если он рассчитывал, что эта фраза ее утешит, то глубоко заблуждался. Соня торопливо обулась у дверей и, еще раз бросив на старика тревожный взгляд, сбежала в ночь.

— Старый сумасшедший, — ругалась она себе под нос, боясь, что он может оказаться прав. Если у нее то же, что и у Иры — это означает, ей пора поискать у себя опухоль. А если то, что она видит демона, убивающего людей, означает, что она отравлена дальше некуда, то она уже одной ногой в могиле, если не обеими. И это ведь не обязательно означает, что у нее последняя стадия болезни. Нет, эти две вещи могут оказаться вполне не связанными. В конце концов, парень, умерший на дороге в аварии, наверняка был здоров за несколько минут до этого. Иногда ответы таковы, что начинаешь сомневаться, стоило ли задавать вопросы.

Болезнь

На следующий вечер Соня снова сидела на кухне у Иры, и они пили чай. Напряженность просто-таки звенела в воздухе.

— Что он тебе сказал? — первая не выдержала Ира.

— Что я больна, как и ты, — впервые Соня назвала ее неофициально, так, будто болезнь породила их сильнее крови. Ира потянулась и сжала ее руку.

— Он мог ошибиться, — проговорила она, заметно побледнев.

— Ты ведь знаешь, что он не ошибается, верно? — спросила Соня. — Он и тебе сказал в свое время, так?

Ира молча кивнула.

— Я была в больнице, — Соня высвободила руку и поднялась из-за стола, начиная мерить помещение шагами. — Я договорилась, заплатила, у меня взяли анализ, потом отправили на томографию.

— И? — Ира была бледнее нежно-голубых стен.

— Она небольшая, но в таком месте, которое они не могут прооперировать, — Соня вновь опустилась на стул, напряженно глядя на Иру.

— В мозгу? — беспомощно прошептала Ира.

— Да, в мозгу.

— А что насчет терапии?

— Ира, — взорвалась Соня, — мне двадцать пять лет! Я не хочу свои последние месяцы провести лысой, шатающейся, постоянно блюющей уродиной.

— Если терапия щадящая... — начала Ира.

— Щадящей можно убрать остаточные явления после операции, ты это знаешь не хуже меня, — устало проговорила Соня, обхватывая голову руками. — А со мной так не выйдет. Они сразу заговорили о терапии, но я отказалась.

— Сонюшка...

— Ир, они поджарят мне мозг.

— Но если она будет расти, ты потеряешь память, ясность мышления, тебя будут мучить боли.

— Да, со временем. Но ближе к концу, — на лице Сони появилась горькая улыбка. — А я ведь тоже думала, что буду жить вечно.

— Ты... маме говорила? — запинаясь, спросила Ира.

— Нет, и ты не говори, — отрезала Соня. Она не хотела еще и с мамой сражаться на предмет терапии. Колеса — другое дело, их она будет глотать, и делать уколы, но только не этот метод-плацебо надежды. Когда все станет совсем плохо, тогда и скажет, когда уже некуда будет деваться. Впрочем, судя по прогнозам, к тому моменту она станет таким овощем, что ей уже будет все равно.

— Соня-Соня, — покачала головой Ира, теребя пальцы и ощущая свою полную беспомощность. Слезы появились в ее больших измученных глазах.

— Не надо, Ира, тише, — Соня подошла к тетке и обняла ее. — Тебе нельзя нервничать, не надо. Хватит с нашей семьи мучеников.

— Ты всегда была мне, как дочка, — прошептала Ира, — только болезни мои не надо было брать в наследство.

— Ничего, Ира, справимся, мы справимся, — Соня поцеловала ее в макушку, продолжая укачивать. Ира так потеряла в массе за время, проведенное в больнице, что теперь Соне казалось, что она обнимает большую костлявую птицу.

* * *

Соня ехала в метро, глядя на проносящиеся мимо огни, когда у нее начала кружиться голова и плыть картинка. Усилием воли она заставила отступить неприятные ощущения, но чувство страха пронзило ее от основания позвоночника до самой макушки. Неужели теперь это норма? Неужели еще через пару недель или месяц она грохнется однажды посреди вагона, утратив

связь с реальностью, только для того, чтобы затем встать, прожигаемая любопытными взглядами окружающих и еще через пару дней упасть снова? И так по кругу, пока все не закончится. Пока за ней не придет Филипп, или Табрал, или забытый возлюбленный, если она не слишком успела нагрешить. Да что она вообще успела? В сущности, настоящего любимого у нее так и не было. Те парни, которые встречались ей по жизни, едва ли тянули на эту роль. Но и сейчас, зная все, она не могла лихорадочно носиться по городу, надеясь в свои последние месяцы встретить истинную любовь. Это было бы слишком глупо и наивно даже для ее страдающих мозгов.

Медленные глубокие вдохи и выдохи помогли почувствовать себя лучше, опасность миновала. Не хотелось с самого начала оказаться прикованной к кровати, так что стоило держаться до последнего. Даже Денис со своей манерой обнимать и класть руки, куда не следует, казался ей сейчас милым. Все люди и мир вокруг вдруг стали во сто крат привлекательнее. Люди никогда не ценят того, что имеют.

Беседы с Ирой по вечерам делали ношу немного легче, а иногда они вместе ходили к Чу Пену, и после занятий он поил их своим фирменным чаем. Временами старик смотрел на Соню так, что она знала, что он ковыряется у нее внутри, но его усилия не вызывали в ней раздражения. Она доверяла Чу Пену — в конце концов, он сказал правду. Но никогда и ни с кем не говорила о Филиппе, да и в последнее время больше его не видела, что было только к лучшему. Хотя в самом начале, когда она только узнала о том, что обречена, ей хотелось отыскать Филиппа и бросить ему в лицо все, что о нем думает — и пусть забирает ее жизнь. Так у нее был бы шанс уйти человеком, а не безмозглым растением.

Твои руки могут быть нежными

Маша крутилась у зеркала, глядя, как на ней сидит старое летнее платье.

— Не хочешь сходить по магазинам? — спросила она у Сони. — Сейчас кругом распродажи летней одежды.

— Нет, спасибо, — Соня смотрела на яркие юбки, выглядывавшие из шкафа, и в голову невольно закрадывалась мысль, а понадобится ли ей еще летняя одежда или уже нет?

— Не в настроении? — спросила Маша, оборачиваясь.

— Ага, — согласилась Соня, ничего не объясняя.

— А что у тебя на личном фронте? — поинтересовалась Маша.

— Только не начинай, — скривилась Соня, будто лимон откусила.

— Не начинать что?

— Ничего.

— Может, Денис? — усмехнулась Маша, зная в какое бешенство приводит подругу одно упоминание о нем. Но на этот раз Соня почти никак не отреагировала, лишь вяло улыбнулась.

— Что с тобой? — спросила Маша, отходя от зеркала и усаживаясь рядом с Соней на диван.

— Не знаю, — соврала Соня, — осень, наверное.

— Хочешь, сходим в клуб? Или просто в бар?

— Нет, правда, не хочу, спасибо, — Соня поднялась и засобиралась домой. Что она могла сказать подруге? Что дискотеки теперь не для нее? Что в духоте и мигании огней она теперь запросто может потерять сознание? Что ей уже можно забыть о развлечениях? Так странно, так несправедливо, так рано.

Поделиться и сказать правду, чтоб тебя жалели и косились? Чтобы каждую твою глупую мысль или паршивое настроение списывали на болезнь? Чтобы за ореолом мученика перестали видеть тебя саму? Чтобы придерживали, как мама тетю Иру, на каждой лестнице? Соня плотнее намотала шарф, укрываясь от холодных порывов воздуха. Как же все это глупо. Ее ноги уже привычно прокладывали маршрут к больнице. Контроль, вечный контроль, бесполезные беседы с лечащим врачом и очередные уговоры. Как же она устала — не от болезни, а от этой сплошной рутины. Люди даже смерть сумели превратить в рутину. Соня горько усмехнулась, заворачивая за угол и спускаясь к больнице.

В холле царил суматоха, а во дворе стояла куча скорых.

— Что случилось? — спросила Соня у пробегающей мимо медсестры.

— Не загораживайте дорогу, — зло бросила та, и Соня отшатнулась в сторону, не став объяснять, кто она и что тут делает. Потом заметила другую сестру, из своего отделения.

— Света, — позвала ее Соня, и Света, обернувшись и узнав ее, подошла ближе.

— Сонечка, здравствуй, как ты?

— Как всегда, а что тут у вас происходит?

— Мы дежурные сегодня по скорой. Произошла авария в городе. Маршрутка столкнулась с легковой, и еще грузовик. Так что у нас сегодня полный завал. Подойдешь завтра, хорошо, котенок?

— Хорошо, — оторопело пробормотала Соня, глядя на царящий вокруг хаос и понимая, наконец, его причины. У Светы была привычка называть всех пациентов моложе шестидесяти — «котенок», но звучало это даже нежно на фоне всего остального больничного официоза.

Соня отошла к стене как раз вовремя, потому что мимо нее пронеслась каталка с капельницей и двумя санитарями. Пострадавших действительно было много. Маршрутка, видно, была битком. Часть из них лежала в холле прямо на полу, по мере возможности их вывозили на лифтах на другие этажи. Глядя на весь этот кошмар, Соня не сразу заметила его, а когда заметила, так и осталась стоять на месте.

Табрал поочередно оказывался рядом с разными людьми. И выглядело все так, словно, когда он был с кем-то, весь остальной мир для них отступал. Аудиенция у самого бога смерти. О чем он их спрашивал? Как много они грешили? Женщина истошно вопила, пока ее глаза не закатились. С ней он, пожалуй, не говорил, так, постоял рядом. Мужчина орал и ругался, потом несколько раз дернулся, захрипел, и на этом все закончилось. Соня с замиранием сердца наблюдала, к кому же он подойдет следующему, кого выберет. Следующей оказалась девочка лет семи или восьми. Темные волосы, милое пухлое личико. Соня дернулась. Она не может просто стоять и смотреть, она должна помешать ему. Только не эта девочка, довольно. Карие доверчивые глаза с надеждой смотрели на Табрала. Он что-то рассказывал ей, улыбаясь, и девочка улыбнулась в ответ, потом протянула обе ручки к демону. Он склонился к ней и

взял ее на руки. Ноги Сони задеревенели, и она не смогла сделать ни шага. Может, это было его колдовство, а может, элементарная трусость, но она могла лишь стоять и смотреть, что будет дальше. Дыхание толчками вырывалось из ее груди. Девочка обняла демона за шею и положила голову ему на плечо, потом, сладко зевнув, закрыла глаза. Он бережно, словно хрупкую куклу, опустил ее назад на носилки. И тут же к девочке бросился врач, крикнув что-то коллегам. К нему присоединились две медсестры, они суетились, пытаясь что-то сделать. А Соня смотрела на них, зная, что девочке уже ничто не поможет.

Табрал не уходил, он по-прежнему стоял возле ребенка и грустно смотрел на бесполезные попытки врачей ее реанимировать. Его темные брови были нахмурены, черные глаза не отрывались от лица умершей. Волевой подбородок, прямой нос с чуть приподнятыми крыльями, и черные слегка вьющиеся волосы. Только теперь, в искусственном свете больницы, Соня рассмотрела его, как следует, в деталях. Она подумала о том, как бережно он прижимал к себе девочку, как забрал — стараясь не испугать, убаюкал, рассказав сказку. И что-то вроде благодарности колыхнулось у нее в груди. Значит, все же, есть справедливость. Те, кто заслужил, страдают от ужаса. Кто заслужил лучшее — уходят мирно или одариваются счастливыми видениями. Соне не хотелось загадывать, что ждет ее. Какой человек с уверенностью может сказать, хорош он или плох. Нет, конечно, она не убийца и не вор, но и не мать Тереза. Соня понятия не имела, какие дела ее жизни перевесят: хорошие или плохие. Демон за ней придет или... или кто? Она даже не могла представить того, кому была бы рада в последние свои минуты, кто вызвал бы на ее лице слезы умиления, как Филипп у старушки. Или какая сказка могла быть настолько хорошей, чтобы заставить ее мирно уснуть на плече у смерти.

Когда Соня очнулась от своих мыслей, он уже стоял над худым некрасивым мужчиной, залитым кровью. Одна из медсестер метнулась в его сторону, но другая, дернув ее за рукав, потащила к другому пострадавшему.

— Подождет.

— Почему? — удивилась первая.

— Водитель маршрутки, — кивнула та на худого. — Из-за него все и случилось.

Соня смотрела, как Табрал просто стоит над раненым, и вроде бы ничего не делает. Но потом водитель заплакал, а через несколько секунд его тело стали сотрясать настоящие рыдания.

— Что же я наделал, — завыл он, — какой же я дурак. Боже, нет, — он метался на носилках, едва не сваливаясь с них. Но окружающие были слишком заняты, чтобы успокаивать его истерику. Испачканным в крови кулаком он бил себя в грудь. Соня взглянула на лицо Табрала и увидела там следы едва заметного удовлетворения. Затем он резко развернулся и, как всегда, зашагал прочь.

«Значит, смертей больше не будет», — с облегчением подумала Соня и снова с тоской посмотрела на девочку. Будет ли он также нежен с ней, когда настанет ее время? Или заставит раскаиваться и горько плакать? Соня вдруг поняла, что для нее почему-то важно не выглядеть перед ним полным ничтожеством. Не важно, что она натворила и что скажут весы добра и зла, но она имеет право уйти человеком, сохранив хотя бы каплю достоинства.

Храбрые уходят, не оборачиваясь

— Выглядишь, как воин, — добродушно усмехнулся Чу Пен, когда Соня заглянула к нему вечером на чай.

— Только безоружный, — ответила она, усаживаясь на подушку.

— Оружие бывает разным, — заметил старик, заливая кипятком. — Можно вооружиться мужеством, верой или состраданием. Но главное, что отличает воина — это его внутренняя сила и честь.

— Мундира, — добавила Соня и рассмеялась.

— У меня ты смеешься, а Ира жалуется, что ты не улыбаешься.

— Жалуется? — насторожилась Соня.

— Успокойся, — махнул рукой Чу Пен, — она переживает за тебя. Не будь такой резкой, это необязательно.

Соня приняла из его рук чашечку и совет, и постаралась расслабиться, что было не так уж и сложно с удивительным чаем Чу Пена. В его аромате чудился и жасмин, и цветочный мед, и ваниль.

— Больше ни о чем не спросишь? — мягко подшутил над ней старик. — Ты ведь так любишь вопросы.

— У меня уже больше ответов, чем мне нужно, — ответила Соня, и Чу Пен удовлетворенно кивнул, словно она, наконец, сказала что-то мудрое.

— Так и есть, — согласился он.

И они остались сидеть в тишине, нарушаемой лишь периодическими глотками и звуками чашечек, опускаемых на стол. Рядом с Чу Пенем время текло словно бы в ином ритме, неспешнее и мягче. И он не вел себя с Соней, как с больной. В его отношении к ней с самой их первой встречи ничего не изменилось, разве что они стали ближе. И хотя, все те слова, которыми они обменялись, исчислялись парой сотен, Соня стала воспринимать его, как своего наставника и друга. А что чувствовал Чу Пен — было загадкой, он обычно сидел рядом, полуопустив веки и то ли присутствуя, то ли отсутствуя. Но рядом с ним в душе наступал мир, и сами мысли о конечности всего сущего уже не казались такими непоправимыми.

— Если хочешь избежать хаоса в момент смерти, — сказал Чу Пен, — нужно войти в нее осознанно. Тогда ты будешь понимать, что происходит, и никакой демон тебя не напугает. Потому что ты поймешь, что то, что ты видишь — всего лишь его игра, независимо от того, кем он тебе предстанет.

— Но ведь это не изменит результата, верно? — подняла глаза Соня.

— Нет, — мягко улыбнулся Чу Пен, — но избавит тебя от иллюзий.

— Вы не слишком-то верите, что у меня они будут радостными? — уточнила девушка.

— Дело не в этом, — отозвался Чу Пен, прихлебывая, — иллюзии, какими бы они ни были — ложь. Незачем обманывать себя, если этого можно избежать.

Соня задумалась над его словами, но не могла согласиться с ними полностью.

— А что будет потом?

- Мы ведь говорили об этом: рай или ад, — усмехнулся старик.
- А они — иллюзорны?
- Только в том же смысле, в каком иллюзорна жизнь, — туманно ответил Чу Пен.
- А жизнь иллюзорна?
- Насколько реален сон? — спросил он.
- Нереален, — ответила Соня.
- Но когда ты находишься в нем, разве ты его считаешь нереальным?
- Нет, — покачала она головой.
- Разве существует для тебя еще какая-то реальность, кроме сна?
- За исключением редких моментов, нет, — согласилась Соня.
- Тогда что реально? Откуда ты знаешь, что мы не спим?
- Потому что снов много, но каждый раз я пробуждаюсь здесь.
- Здесь — это где? — хитро прищурившись, поинтересовался Чу Пен, и Соня невольно улыбнулась в ответ.
- Понятия не имею.
- Именно, — кивнул он. — Ад и не-ад также реальны для умерших, как и жизнь.
- Что же тогда не-сон?
- Это тема для отдельного разговора, — уклончиво ответил Чу Пен и стал собирать чашки.

Что он хотел этим сказать? Что у нее все равно недостаточно времени, чтобы понять? Наверное, что-то вроде того.

Соне в очередной раз стало грустно. Вот ей опять из гостеприимной комнаты Чу Пена выходить в темноту и холод улицы. И не будет его мудрых советов и странных фраз. Но их не будет и тогда, когда придет время встретиться с Табралом. Все, что происходит, всегда случается один-на-один. Иллюзии... Ее не пугает демон смерти таким, каким она его видит. Даже больше. Соня вспомнила его сильные руки, которыми он подхватывал девочку, глаза, в которых отражалось столько терпения и мудрости, сколько она не видела даже у Чу Пена — самого загадочного из известных ей людей. Табрал не играл с умирающими, не насмехался над ними, он выполнял свою работу, нравилась она ему или нет. И однажды он придет и за ней. Соня поняла, что больше не боится.

День рождения

Мама хлопотала на кухне, в комнате раздавались голоса гостей. В двухкомнатной квартире родителей негде было разминуться. Вся мебель из большой комнаты перекочевала в маленькую, а в большой поставили два стола один за другим. У отца был день рождения. Даже Сонин брат приехал со своей семьей, и к общему шуму добавилась еще пара кричащих и

гоняющихся друг за другом мальчишек.

— Где там наша тетя Соня? — приговаривал брат, поймав одного из них. — Верно, вот она. Идите, поиграйте с тетей.

И они накинулись на Соню, атакуя с двух сторон.

— Покатай, — визжал младший Деня, — покатай меня, — цепляясь за шею и пытаясь оседлать Соню.

— А ну, оставьте тетю в покое, — вмешалась Лидия, жена брата. — Я кому сказала!

И дети с криками унеслись по коридору.

— Дети — это морока, конечно, но такая радость, — сказала она Соне, и та неохотно кивнула. Ей ни к чему было думать о детях. У нее их никогда не будет. Соня вообще смотрела на сидящих за столом гостей так, словно выглядывала из-за ширмы. Они были актерами в пьесе, роль в которой ей не досталась. Соня наблюдала за ними со стороны, больше не участвуя во всеобщем веселье. Только Ира понимающе иногда поглядывала на Соню, и Соня грустно улыбалась в ответ. Следующего дня рождения для нее, вероятнее всего, не будет.

— Соня, скажи тост, — подтолкнул ее брат, наливая гостям вино и шампанское.

— Я? — удивилась Соня, оторвавшись от своих мыслей.

— Семен, я хотела бы пожелать тебе, прежде всего здоровья... — пришла ей на выручку тетя, подымаясь с бокалом, и общее внимание переключилось на нее.

— Спасибо, Ира, а я в свою очередь хотел бы выпить за твое здоровье, — произнес отец, и все шумно его поддержали, чокнувшись бокалами. Все были в курсе истории Иры, благодаря маме, так что или сочувствовали или попросту боялись оказаться в аналогичной ситуации.

— ... за здоровье детей, — выдернула из очередных раздумий Соню чья-то громкая фраза, и снова раздался звон бокалов.

«Не стоит», — подумала Соня, — «мне уже не пригодится здоровье. Выпейте лучше за то, чтобы я оказалась в хорошем месте. Или вообще нигде? О чем там так туманно упоминал Чу Пен? В не-сне? О том, чтобы я проснулась, потому что, возможно, только возможно, но все же, вы мне все снитесь. И ты, мама, в своем праздничном зеленом платье, и ты, отец, с подернутыми легкой сединой волосами, и брат с женой и мальчишками, и все остальные — мне только приснились. И Чу Пен — мой проводник во сне, а быть может, я сама в облике старого китаецца, которая помнит о том, что где-то есть настоящая реальность и пытающаяся пробиться к себе в сон.»

— Сонька, ну скажи же что-нибудь! Уснула, что ли? — возмутился брат, толкая Соню плечом.

— За пробуждение, — тихо сказала Соня, и ее слова утонули в смехе гостей.

— Завтра выходной, отоспишься, — смеясь, громко сказал брат. Они так и не поняли, о каком пробуждении она говорила. Соня смотрела на их лица: их голоса и смех доносились будто издалека — скоро она покинет их сон. Будут ли они все также смеяться или исчезнут вместе с ней? «Будут», — ответил внутренний голос, — «и свидетелем тому служит Табрал». Это общий сон, и каждый, кто пробуждается, становится еще одной проснувшейся клеткой единого

сознания, а каждый, кто засыпает — попадает в один и тот же сон.

Опера

В опере пахло запыленным бархатом и старой обивкой. Соня решила сходить в нее только потому, что многие восхищались этим видом искусства и называли его самым совершенным, а она же, в сознательном возрасте, так ни разу и не побывала здесь. Ей было почти безразлично, что именно слушать, и потому Соня просто, придя в кассу, купила первый попавшийся билет. Оказывается, ей повезло, и она стала счастливой обладательницей сданного места на балконе.

Наверное, пение должно было вызывать сильные эмоции, но затянутые в корсет толстые дивы, изображающие юных влюбленных, не внушали Соне никакого доверия. Она не соперничала им, и потому опера превратилась для нее в еще один слабо сыгранный спектакль. Арии могли бы быть красивыми, если бы в них вложили душу, но Соня не ощущала в них ничего, кроме пустоты, увы.

В антракт люди сплошным потоком потекли к лестницам, буфету и туалетам, негромко переговариваясь и создавая мерный гул. Соня сделала шаг-другой на выход и внезапно покачнулась. «Только не сейчас, пожалуйста, только не снова», — подумала она, но ни мыслями, ни уговорами ее приступы остановить было невозможно. Они приходили и уходили, когда им было угодно.

— Осторожнее, — услышала она приятный мужской тембр, — и чья-то рука поддержала ее под локоть. Черный фрак, белая рубашка, бабочка — какая изысканность. Ее глаза поднялись к его лицу, и губы так и остались приоткрытыми, не испустив ни единого звука. Рядом с ней стоял Табрал.

— Вам плохо, может, воды? — мягко предложил он.

Она покачала головой, хотя во рту у нее внезапно пересохло. Память услужливо выудила для нее картинку, как девушка из больницы делает свой первый и последний глоток любезно предложенного им кофе.

— Тогда, может, выйдем на свежий воздух? — настаивал он, и на этот раз Соня кивнула. Судьбы не изменить, а лишние свидетели ни к чему.

— Вам холодно? — он взял ее дрожащую руку в свою.

— Нет, — покачала головой Соня, хотя они и вышли на улицу без ее пальто. Но какая разница, уйдет ли она из жизни замерзшей или согретой — разве это что-нибудь изменит? Она позволила себе поднять глаза и посмотреть в его лицо. Черные глаза были еще прекраснее, чем она помнила. Глубокие, словно темные озера, и завораживающие.

— Ты так смотришь, что это сводит меня с ума, — неожиданно сказал он, и глаза Сони в изумлении раскрылись шире. — Я знаю, что потом могу пожалеть об этом, но, в конце концов, я ведь тоже мужчина. — И он прильнул к ее губам.

Соня подалась ему навстречу. Его губы оказались мягкими и требовательными одновременно, они пахли свежестью и ночью, туманом, плывущим над водой. В то время как его костюм источал тонкий аромат жасмина и еще чего-то совсем едва уловимого. Соня вдруг поняла, что давно мечтала прикоснуться к нему, ощутить его руки на себе, что ее влекло к нему, и только ее уникальная слепота и отсутствие нормального опыта в отношениях могло не позволить ей понять это раньше. Тихий стон сорвался с ее губ прямо ему в губы. Табрал проглотил его и

прижал ее тело плотнее к своему. Она сходила с ума по нему, словно нарочно одевшемуся подчеркнуто элегантно, чтобы не оставить ей ни малейшего шанса. Он выглядел сегодня великолепно, но, тем не менее, это по-прежнему был он, не демон и не ангел, а тот, кого она знала. Пальцы Сони ощущали силу его рук под тканью фрака, и ей хотелось провести кончиками пальцев по его коже, прильнуть телом к телу. словно в ответ на ее мысли, Табрал нежно провел рукой по ее спине в глубоком вырезе платья. Он чуть склонил голову и теперь упивался ее шеей, а Соня смогла вдохнуть запах его спутанных волос. В них ощущался след дыма, и она задумалась о том, с каких пепелищ явился он к ней. Когда первый наплыв чувств слегка улегся, Соня поняла, что он не только считает, что она видит его иным, но и полагает, что девушка слышит лишь то, что ей положено слышать. Ни один мужчина в здравом рассудке при первой же встрече не сказал бы тех откровенных вещей, что он шептал ей сейчас на ухо, обо всем том, что и как хочет с ней сделать, в деталях. И это сводило с ума еще сильнее. Образы, представавшие перед мысленным взором после его красочных фраз, заставляли сдаваться без сопротивления. Соня сама не заметила, как сильнее прижалась к Табралу, выгибаясь ему навстречу.

— Как же ты его хочешь, — прошептал он, опускаясь к ее груди. — Как дрожишь. Я не сразу понял, что не от холода. Прости, ты, конечно, все равно ничего не поймешь, но в этот раз все будет по-настоящему, — пообещал он, впиваясь губами в ее грудь.

От этого обещания у Сони ослабели ноги, и она повисла в руках Табрала. Он, казалось, даже не заметил ее веса — зверь, живущий в нем, вырвался наружу.

Соня не понимала, где они находятся. Большая пустая квартира, огромная кровать — у Табрала есть дом? Она разметалась на простынях после ночи любви, усталая и счастливая, словно только теперь, наконец, расслабилась по-настоящему, так, как никогда не получалось раньше. Вот о чем щебетали ее подруги. Наверное, именно о таком сексе, которого она не знала до сих пор. Соня чуть повернула голову и посмотрела на спящего рядом мужчину. Без фрака он был ничуть не хуже. Впрочем, она отметила это еще тогда, когда видела его в джинсах и футболке. Соня переплела свою ногу с его длинной мускулистой ногой и блаженно вздохнула. Табрал пошевелился и приоткрыл один глаз.

— Привет, — хрипло прошептал он со сна. — Уже проснулась? — Второй глаз его раскрылся полностью, и он пробудился окончательно. — Жаль, все могло бы быть намного проще, если бы ты спала.

Страх голодным зверем шевельнулся в груди Сони, но она заставила его улечься. Нет, только не сейчас — если он поймет, если догадается, тогда всему конец. Их удивительной сказке конец, а она его не желала. Узнать, что в мире есть такое пронзительное счастье и не испытать его еще хотя бы раз? Нет, только не так.

— Филипп, — прошептала она, выбрав первое пришедшее ей на ум имя.

— Значит, Филипп? — усмехнулся он. — Знаешь, я ему завидую. Когда ты так смотришь на меня, я готов оставить тебя еще на одну ночь.

— Филипп, подари мне еще одну ночь, пожалуйста, — прошептала она и взглянула на него так, словно не существовало ничего в мире желаннее этого. Ее губы были слегка приоткрыты, припухшие от ночных поцелуев, в глазах светилась мольба, тонущая в любви, тело само тянулось к нему, обжигая и даря обещания неземного наслаждения.

Табрал дрогнул. Он смотрел на нее и не мог отвести взгляд. Она была чудом, существом,

пришедшим к нему из снов, она была почти слишком прекрасна, чтобы быть настоящей. Он должен был ее забрать, но что в мире вечности изменят одна или две ночи? Он заберет ее, чуть позже. Его губы впились в Сонины обжигающим поцелуем.

Еще одна ночь

В самом начале, когда Соня только поняла, что смерть существует на самом деле, существует для нее, что она вполне конкретна и материальна, ее одолевали сожаления. Казалось, что все она сделала не так. Мучили все эти «ах, если бы я только знала, я бы тогда жила иначе», «я бы радовалась каждой секунде, пинала ногами желтые листья в парке, рассматривая, как они рассыпаются в солнечном свете, часами напролет; вдыхала бы влажный воздух и смотрела, как становится призрачным мир, утопающий в дожде», «я бы рисовала и слушала музыку, забросила работу, смеялась чаще, улыбалась детям, помогала старикам, любила...».

А потом, со временем, Соня поняла, что даже с приговором рутина берет свое, и ты все равно живешь так же, как и всегда. Ты полагаешь, что сегодня — не тот самый день, а значит, ничего не изменилось, и продолжаешь жить, как обычно. Ничего не меняется. Не меняется до последней секунды, когда уже по-настоящему слишком поздно. Мы все слишком прикипели к своим маленьким миркам, привычкам, друзьям, обязанностям, мы держимся за них зубами, поэтому все наши порывы «ах если» существуют только в области возвышенных чувств и длятся краткие секунды. Им нет места в повседневности, это мечты, а мир, в котором мы живем, есть не что иное, как голая повседневность.

Соня понимала, что еще одной ночи ей не получить. Судьба и так оказалась безмерно щедра к ней, и в самом конце пути, в полной осознанности, подарила ей эту странную неожиданную любовь. И все эти мечты, мелькавшие в ее голове, вдруг стали реальностью. Она никогда не думала, что может быть так счастлива. В свой последний день. Глупый порыв бросил ее поначалу к дому родителей, но девушка тут же одернула себя. Что она могла им сказать? Что счастлива и уходит? Они решили бы, что она спятила, узнали бы у Иры правду, и поняли, что она на самом деле спятила, и процесс этот необратим. Никакие слова ничего не изменят — у них была целая жизнь, чтобы понять друг друга, почувствовать, сказать все необходимое, короткая прощальная пятиминутка лишь испортит то, что было раньше. С этими мыслями Соня на автомате развернулась, села на маршрутку и отправилась в другой конец города.

— Что-то случилось? — уже в триста тридцать третий раз спросили Соню. Она подняла голову и искренне улыбнулась. Ира сидела напротив за столом, размешивая в чашке сахар, которого там не было. Спина ее была вытянута и напряжена, как струна.

— Все хорошо, Ира.

— Ты какая-то слишком тихая, — уже спокойнее заметила тетя и опустила ложку на стол.

— Может, на меня положительно влияет Чу Пен, — усмехнулась Соня.

— Старый прохвост, — неожиданно вставила Ира, — я знаю, что он мне чего-то не договаривает.

— Это мы недопонимаем, а не он не договаривает, — покачала головой Соня, глядя в отражение света в чае.

Ира пожала плечами:

— Есть точно не хочешь?

— Нет.

В заполнившей кухню тишине отчетливо было слышно, как идут часы на стенке.

— Приступы стали чаще? — спросила Ира, будто невзначай, но Соня ощущала, как тетя внутренне напряглась.

— Немного, — нехотя признала Соня.

— Когда был последний? — Ира посмотрела на нее в упор.

— Вчера, — улыбнулась Соня, и тетка всплеснула руками.

— Сонечка, девочка моя...

— Тише, — Соня накрыла ее ладонь на столе своей. — Не говори ничего, давай просто пить чай. Как у Чу Пена. В тишине куда больше смысла, чем в словах.

— Он и правда что-то сделал с тобой, — вздохнула Ира, но замолчала. И только изредка украдкой поглядывала на племянницу.

— Пойдешь к нему сегодня? — наконец, спросила тетя, когда чашки опустели.

— Нет, — покачала головой Соня. — Передавай ему от меня наилучшие пожелания.

— Передам, — кивнула Ира.

— И скажи, что я... просыпаюсь.

— О чем ты? — насторожилась Ира.

— Так, о разных глупостях, о которых мы с ним болтали.

— Хорошо, — кивнула Ира. — Тебе, наверное, лучше домой и отдохнуть?

— Да, мне, пожалуй, пора, — согласилась Соня, глянув на часы. У нее не было никакого желания знакомить Иру с Табралом — еще успеется.

— Я люблю тебя, — шепнула тетя, сжимая Соню в объятиях у дверей.

— Я тебя тоже, — шепнула девушка ей на ухо и поцеловала в щеку.

Глупые непрошенные слезы брызнули из глаз, слава богу, только на улице, и Соня размазывала их по лицу, не заботясь о косметике. Почему-то именно прощание с Ирой выбило у нее почву из-под ног, а ведь она так отлично держалась все последнее время. Или до нее только теперь дошло, что это конец? Что завтра не будет? Не будет семейных обедов, ворчания матери, шуток отца, чаепитий у Иры? Ну почему сейчас? Соня отыскала салфетку и постаралась привести себя в порядок: он не должен видеть ее такой. Та девушка, которую он ждет, счастлива — ей обещали ночь, она не может плакать.

— Что-то случилось? — он, как всегда, возник будто из ниоткуда, когда она спускалась по политой дождем улице к метро.

— Триста тридцать четыре, — прошептала Соня, а Табрал вскинул на нее удивленный взгляд, и она вновь на мгновение замерла, очарованная. Ничьи глаза на свете не нравились ей так сильно, как его. — Просто чихнула неудачно, и тушь потекла.

— На улице прохладно, а ты легко одета, — отозвался он. И новое незнакомое чувство злости вскипело в Соне: какой заботливый. Холит и лелеет своих овечек, пока не перережет им горло.

— Одень, — он снял свой пиджак и накинул Соне на плечи. Его тепло и запах окружили девушку. И ярость ушла также быстро, как и зажглась. Чего она завелась? Боль, видимо, — боль от расставания с Ирой, с прежним миром, финал...

— Спасибо, — Соня стянула полы пиджака изнутри руками, закутываясь в него, словно в одеяло. Она выглядела мокрой, жалкой и мрачной, или попросту жалкой, а оттого еще более мрачной.

— На тебя погода так влияет? — его лицо вынырнуло из темноты. — Или ты уже не видишь во мне Филиппа?

— Эта сырость нагоняет тоску, — как можно более легкомысленно отозвалась Соня, и Табрал успокоился. Одной рукой он обхватил ее за плечи и прижал ближе к себе.

— Я тебя согрею, — пообещал он.

Обещание вновь заставило Соню задрожать. Табрал ощутил дрожь, но на этот раз не ошибся в ее причинах. Его рука властно прошлась по спине Сони, и девушка задрожала еще сильнее. Он улыбнулся: ему нравилось, как она отзывалась на его ласки — так чутко, так ранимо, словно создана была для его рук.

Признание

Даже после ночи любви она смотрела на него так, что мир вокруг мерк. Ее глаза возносили ему молитву, губы были приоткрыты, влажные и жаждущие, щеки покрывал нежный румянец и легкая испарина. Табрал не мог отвести от нее глаз. Она жила рядом с ним, рождалась и погибала в его близости. Ни одна девушка до нее не отдавала ему всю себя настолько. Они в чем-то лукавили, жеманничали, притворялись, так или иначе в чем-то были не до конца искренни, но только не она. Эта девушка смотрела на него глазами ребенка и женщины одновременно, она дарила себя всю без остатка, без требований и условностей. Она была прекрасна в страсти, как никто и никогда. Сердце ее было открыто для него, душа распахнута — он немел и благоговел в ее присутствии, он касался ее тела с трепетом, боготворил ее вдохи и выдохи, заставлявшие грудь вздыматься вверх и тихо опускаться вниз.

Но все это она дарила не ему. Как звали того человека, что сейчас представлялся ей? Филипп? Счастливый Филипп, будь он трижды проклят, как же Табрал завидовал ему, безмерно, безгранично, отчаянно.

— Если бы ты только так смотрела на меня, — прошептал Табрал, убирая влажные пряди с ее лица, пристально, проникновенно глядя в глаза. Его лицо было мрачнее ночи, темнее тоски в этот предраассветный час. — Если бы ты только на самом деле видела меня, — с горечью произнес он.

Соня смотрела на линии под его глазами, на темную бурю, вскипевшую на дне его души, и почти физически ощущала мучившую его боль.

— Я вижу тебя, — тихо отозвалась она.

Табрал на секунду оторопел, а затем усмехнулся.

— Как иногда прихотлива судьба. Забавно, что ты сейчас услышала? Что сказал тебе этот глупый Филипп?

— Я вижу тебя, Табрал, — отчетливо проговорила Соня.

Его пальцы железными кольцами обхватили ее запястья, сжав до боли. Вмиг изменившееся лицо нависло над ней.

— Что ты видишь?

Отступить было уже некуда. Секунда слабости и искренности стоила дорого. Соня перевела дыхание.

— Тебя, настоящего.

— Как давно? — он говорил голосом следователя, инквизитора, кого угодно, но только не возлюбленного больше.

— С самого начала, с нашей первой встречи, — честно призналась Соня. Ей больно было видеть его таким, но уже невозможно было ничего изменить. Ложь — в любом случае ложь, рано или поздно она выплыла бы наружу. Только не верилось, что всего лишь минуты назад он был с ней так безгранично нежен. Не верилось, что это был он.

Табрал вскочил с постели и начал нервно одеваться. Его пальцы то и дело запутывались в одежде, и он негромко ругался. Его глаза время от времени устремлялись к Соне, и он пронизывал ее ненавидящим взглядом, словно на месте ангела оказалось чудовище, и он обвинял ее в подмене.

Наконец, он снова оказался рядом с кроватью и, опершись об изголовье, навис над девушкой.

— Я не подарю тебе жизнь и не дам ни одной поблажки. Ты ошиблась в своих расчетах. Напрасный труд, — кивнул он на развороченную кровать.

Теперь боль хлестнула по Соне так, что пару секунд она не могла выговорить ни слова, только сверлить Табрала глазами.

— Мне жаль, — он задержал на ней взгляд: слишком близко было время, когда им обоим было безумно хорошо.

— Я не для этого, — проговорила Соня и замолчала. Даже говорить было слишком больно, горло сдавило. — Я не ждала от тебя ничего, — выкрикнула она хрипло, а слезы сами залили щеки.

— Избавь меня от дешевых спектаклей, — его слова заставили слезы высохнуть, а сердце окаменеть. Соня смотрела, как он поворачивается и уходит.

— Тогда напои меня своим чертовым кофе! — заорала она ему вслед. — Или сожми в объятиях, раздавив сердце или голову!

— Так значит, ты достаточно долго наблюдаешь за мной! — Он развернулся: его глаза,

казалось, сверкают в темноте. — Ради чего? Что тебе надо? Рассчитывала купить себе жизнь так же, как покупала все при жизни? — Презрение так и сочилось из его голоса.

— Нет, — все эмоции вдруг покинули Соню, и она снова смотрела на Табрала так, словно между ними не было только что ни ссоры, ни взаимных обвинений.

Она уходит, так или иначе, но она покидает мир. Разве ей так хотелось исчезнуть, в ненависти и пререканиях? Они вдруг сделались пустыми и бессмысленными. Она смотрела на его благородное лицо, красивые скулы, удивительные глаза, и вдруг все остальное потеряло значение.

— Прости меня, — прошептала Соня, — я должна была сказать сразу, что вижу тебя, но я так боялась больше никогда тебя не увидеть. — В ее глазах стояли слезы, но в них не было страха за себя и свою судьбу — в них светилась любовь и сожаление. Сожаление о том, что им досталось так мало времени вместе, что счастье, ставшее для нее откровением, продлилось так недолго.

Табрал молчал, изучая ее, погружаясь в глубины ее души и вновь выныривая на поверхность.

— Как тебя зовут?

— София, — ответила Соня, глядя на него без примеси страха, рассматривая и запечатлевая в своей памяти каждую его черточку.

— Ты сумасшедшая? — спросил он.

Соня покачала головой.

— Не знаю, — прошептала она, и одинокая слеза скатилась по ее щеке. — Я все понимаю, я не надеялась, правда, я знаю, ты должен, — заговорила она. — Я не против. Делай, что нужно, — Соня развернула ладони, демонстрируя свое согласие и смирение.

— Каким ты меня видишь? — спросил он, отводя взгляд, словно она только что не говорила всей этой чепухи.

— Высокий, темные глаза, черные волосы, широкие плечи, красивый... — Соня замаялась, а Табрал тяжело вздохнул.

— Этого не должно было случиться, — глухо проговорил он.

— Я не боюсь, делай, что надо, — отозвалась Соня, делая шаг к нему и намеренно глядя в сторону.

Он стоял рядом и по-прежнему не касался ее.

— Только поверь, пожалуйста, я, правда, не нарочно, — ее глаза встретились с его взглядом. — Я, правда... — слова замерли на ее губах.

— Это не важно, — ответил Табрал, кладя руки на ее плечи и глядя холодно и отстраненно. От одного его взгляда сердце Сони замерзло навек, и стало безразлично, придет ли смерть, будет ли больно, одиноко или страшно, или не станет ничего вовсе.

— Табрал, — прошептала она, глядя на него с мольбой, желанием, надеждой, прощением.

Призрачные пальцы сжали ее голову, и Соня ощутила, что все вокруг меняется, мир, каким она привыкла его представлять, исчезает, растворяется, трансформируется.

Чудо

— Ничего не понимаю, — доктор смотрел снимки Сониной головы, и взъерошивал волосы на своей собственной. — При том количестве исследований, что мы проводили... это невозможно, и кровь... Разве что ошибка, но как могло быть столько ошибок подряд? — Он поднял взгляд и с сомнением поглядел на Соню, словно она прятала у себя в рукаве проклятых голубей и целый моток разноцветных платочков, но девушка лишь скромно сидела на стульчике перед его столом.

— Как Вы себя чувствуете? — спросил доктор, пристально вглядываясь в Сонино лицо.

— Неплохо, — отозвалась она. — С тех пор, как потеряла сознание на улице, вполне неплохо.

— А что случилось? Очередной приступ? — спросил врач.

— Да, наверное. Мне кажется, я упала, точнее, не помню, как упала, да и падала ли вообще. Я смутно помню все то, что было до.

— Ваша тетя говорит, что этим вечером вы были у нее и возвращались домой. Затем прохожие заметили вас лежащей на улице и вызвали скорую. Те нашли ваши данные в базе и решили, что у вас критическая ситуация. Привезли в наше отделение. Вы ведь не проходили курс терапии, верно?

— Нет, — покачала головой Соня.

— Отказались?

— Да, — ей по-прежнему было неловко сознаваться, что она не слишком-то верила в их методы.

— Вам повезло, — парадоксально заметил доктор, кивая на снимки. — Если бы вы прошли терапию, здоровья вам это не добавило бы.

Соня согласно кивнула, все еще не понимая, чего от нее хотят. Если она здорова, так радоваться надо, и отпустить ее домой, чтобы она выспалась и привела себя в порядок. Соня ощущала себя так, словно не спала несколько дней, не смотря на то, что врачи утверждали, что она только недавно пришла в сознание.

— Я устала, я могу идти домой? — ответила она на очередную пропущенную мимо ушей тираду доктора.

— Да, можете. — Раздраженно отозвался врач. — Кстати, за вами приехала ваша тетя.

— Ира, — подумала Соня, и тепло разлилось в ее сознании.

— Сонечка, девочка моя, что случилось? — причитала тетя, обнимая ее и едва не плача.

— Кажется, все отлично, — заметила Соня. — В пору праздновать, Ир, мой второй день рождения — я здорова.

— Я слышала, — проговорила тетя, тихо, словно боясь спугнуть радостное известие, — но как

такое возможно? Они сказали? Они не ошиблись?

— Нет, Ира, все так. Похоже, они ошиблись в первый раз.

Ира с сомнением покачала головой.

— Или произошло чудесное исцеление, к которому наука непричастна, — объявила Соня, а Ира закатила глаза.

— Я не знаю, что произошло, но если ты здорова, то мне по большому счету все равно, — искренне сказала она. — А если это дело рук Чу Пена, — добавила, — и он со мной не поделился, то я выдержу его сизую бороду. — И, помолчав, продолжила: — а затем расцелую.

— Ну-ну, Ира, — засмеялась Соня, представляя себе эту сцену, — давай без членовредительства. И, если это его рук дело, то нам в пору ему подарить чайник с него ростом.

— Да, пожалуй, да, — расплакалась Ира, счастливо улыбаясь и прижимая Соню к себе.

— А что ты имела в виду, когда говорила, что просыпаешься? — между делом спросила Ира, когда они шли к такси.

— Я такое говорила? — удивленно переспросила Соня.

— Да, перед самым уходом, и просила передать это Чу Пену.

Соня пожала плечами в недоумении.

— Надо будет спросить у него. Я такого не помню.

— Ладно, — Ира снова улыбнулась и поцеловала Соню в щеку, — поехали.

* * *

Соня проснулась посреди ночи на своем диване-кровати от ощущения неправильности происходящего. Ей бы радоваться, что с ней все в порядке, восторгаться свершившимся чудом, вытащившим ее с того света. А она ощущала лишь тревогу, всматриваясь в глубину своего сердца и наблюдая там призрачные образы неизвестности. Какой-то мужчина, одновременно близкий и далекий все время ускользал от нее во сне, и там для нее жизненно важно было отыскать его, а теперь, проснувшись, она даже не помнила его имени. А ведь точно звала его, а значит, знала.

Соня с усилием потерла виски и поднялась, чтобы открыть окно. Немного свежего воздуха ей не повредит, а там, смотришь, и всякие небылицы перестанут видаться. Она подумала о подругах, о Машке, с которой давно не виделась, о платьях, которые снова можно покупать про запас, о том, что стоит навестить Чу Пена и узнать, наконец, ответы на свои вопросы, — и успокоилась. Снова улеглась в кровать и посмотрела на затянутое тучами небо и изредка проглядывавшую сквозь них луну.

Она болела, но старик ее каким-то образом вылечил, ведь так? Или она исцелилась сама, благодаря его наставлениям.

Табрал смотрел, как она спит. Он был благодарен разбудившему ее сну и тому, как легко она

подскочила к окну, чтобы раскрыть его в ночь, обнаженная и прекрасная в свете луны. Он скучал по Софии. Прошли всего сутки, а ему уже ее не доставало. Но он и не ждал, что будет легко. Слишком особенная, слишком... все слишком.

Он ощутил это страшное инородное скопление измененных клеток в ее мозгу, когда обхватил его своими руками. Ирония состояла в том, что именно опухоль и позволила ей увидеть его, нарушая привычные связи и формируя смещенное восприятие. Только чем больше проходило времени, тем больше эта штука разрасталась, и, в конце концов, разрушила бы на своем пути все, включая девушку, которая стала ему небезразлична. Он мог жить в мире, в котором обитала ничего не подозревающая о нем София, но не мог и не хотел жить в мире без нее. Ее глаза, то, как она смотрела на него, и то, что он ощутил, когда понял, что она смотрела именно на него, а не на кого-то другого, как тысячи тысяч других... Это было выше понимания и правил — он сделал единственное, что мог: уничтожил чужеродную ткань. И вместе с ней, как сон, как шутка, ушли и воспоминания о том, что та позволяла видеть — все о нем самом.

Эта девушка, беспокойно спящая перед ним на разложенном диване, никогда не встречала Филиппа, не видела его танца со старушкой, никогда не наблюдала, как он хладнокровно опоил юную наркоманку, никогда и ни при каких обстоятельствах не вспомнит о том, что среди пары десятков людей из маршрутки в больнице был еще один не совсем человек. И никогда на свете больше не посмотрит на него с такой преданностью и любовью, как умела только она, словно он — ее воздух и вода, огонь и хлеб.

Табрал вздохнул и встал в изголовье ее кровати. Он сделал ей лучший подарок, какой мог — как можно дольше его не видеть. И больше всего на свете ему не хотелось загадывать, какой окажется их следующая встреча. Он надеялся, что это произойдет в глубокой старости Софии, и она не станет кричать и убегать. Надеялся, что дела ее жизни позволят ей уйти счастливой, а ему отогреть свое уставшее сердце у огня ее души, кого бы она ни видела перед собой вместо него.

Назад в реальность

Чу Пен наливал ей уже которую чашечку чая и продолжал молчать. Несмотря на то, что чашечки были крохотными, Соня уже начинала ощущать, как раздувается ее живот.

— Уважаемый Чу Пен, еще немного — и я лопну, — улыбаясь, произнесла она.

— Я потрясен, — наконец, произнес он, подымая на нее свои раскосые черные глаза.

— М-м, я, можно сказать, тоже, — выдохнула Соня, опуская взгляд и смущенно сминая пальцы под невысоким столиком. — Не то чтобы я до конца поняла то, о чем мы говорили в последний раз, но мне кажется...

— Я никогда еще не видел людей, которых исцелил бы его же яд, — продолжил Чу Пен, безбожно ее перебивая, словно она ничего и не говорила только что.

— В каком смысле? — изумленно уставилась на него Соня.

— Яд, — раздраженно махнул на нее рукой Чу Пен, как на неуклюжего медведя, забредшего в его лавку, — яд Табрала.

— Кого? — с еще большим изумлением спросила Соня.

— Ты уверена, что с головой все в порядке? — бесцеремонно поинтересовался он.

Соня так опешила, что даже не успела обидеться.

— Да, опухоли больше нет.

— А память? — с подозрением спросил старик.

— Память? — девушка смотрела на него, не понимая ровным счетом ничего. И чего старый мудрец вдруг на нее так взъелся? За то, что ее исцелил какой-то там яд, а не манна небесная? Так ей положительно наплевать, что послужило причиной. Она реалист: главное — результат. Особенно в таких вещах, которые касаются твоей собственной жизни.

— Вы же отказались мне объяснять, потому что посчитали, что мне все равно не успеть, — припомнила Соня и взглянула на Чу Пена с легкой примесью разочарования и осуждения. Как она могла решить, что ей помог старый китаец. На грани жизни и смерти она и ее тетя готовы были поверить любому шарлатану. Значит, или врачи ошибались, или ее организм справился с болезнью сам.

— Ушел и все свое забрал с собой, — пробормотал Чу Пен, чуть покачивая головой. Ему, похоже, было безразлично, что говорит Соня. Она могла бы сейчас впасть в истерику и кататься по полу — это, пожалуй, тоже не произвело бы на Чу Пена ровно никакого впечатления. И кто из них после этого безумен? Уж точно не она — ее недавно проверяли врачи. А когда кто-нибудь в последний раз заглядывал в голову этого сумасшедшего старика?

— Как жаль, что он унес с собой саму идею пробуждения, — посетовал Чу Пен.

Соня его перестала понимать. Отодвинувшись от стола, чтобы не задеть чашки, она поднялась, поклонилась Чу Пена на прощанье в знак их старой дружбы и пошла прочь, твердо решив больше не возвращаться в эту богадельню.

* * *

— Вы поругались? — всплеснула руками Ира. — Сонечка, но вы же были так близки. Он поддерживал тебя все последнее время, как никто другой.

— Может, он хотел, чтобы я переписала на него квартиру, — раздраженно отозвалась Соня.

— Но ты же снимаешь.

— Может, он не знал, — пожала плечами девушка. Ира со своей безграничной верой в чудеса начинала ее бесить. Как можно принимать на веру все, что говорит другой человек, даже не пытаясь подвергнуть его слова сомнению? Соня вдруг ощутила жалость по отношению к тете и, посмотрев на нее, отметила, как та постарела за последние месяцы, как сильно сдала после пребывания в больнице. Так чего от нее ждать? Какой ясности мысли или трезвости? Она по-прежнему одной ногой в могиле, и ей нестерпимо хочется верить в чудеса. Что есть кто-то или что-то, способное отвратить неизбежный конец. Соне было жаль ее, и самое малое, что она могла сделать для Иры — это оставить ей ее мечты в качестве последнего лекарства.

— Забудь, мы просто повздорили, — девушка приблизилась и мягко обняла тетю за плечи.

— Но вы же помиритесь? — с надеждой переспросила Ира. — Хочешь, вместе пойдем?

— Нет, не сегодня, — покачала головой Соня, — передавай ему мои... наилучшие пожелания.

— Передам, — кивнула Ира и замолчала, крутя чашку в руках.

— Значит, все вернулось?

Ира вскинула на племянницу усталые глаза.

— Да, даже хуже, чем в прошлый раз.

— Ты маме сказала?

— Я уже взрослая, — усмехнулась Ира. — Нет уж, в эту игру я тоже умею играть. Я не хочу говорить, устала.

— Ир, ну ты же боец...

— Да, я боец, только моя война окончена. Я больше не верю врачам.

Соня покачала головой — она знала, к чему клонит тетка.

— Если у тебя получилось...

— Ира, — Соня обхватила свою голову руками. Она понятия не имела, как объяснить тете, что такие вещи случаются, как исключение, а не как правило, и что шансов на то, что чудо случится и с Ирой — ноль. — Тебе нельзя отказываться от хирургического вмешательства и терапии, слышишь?

— И кто мне это говорит? — горько рассмеялась Ира. — Соня, я устала, правда, очень. Все эти операции и терапии бессмысленны, и я — живое тому доказательство. Пока еще живое, — грустно добавила она. И на этот раз Соне нечего было возразить. Да, возможно, новый круг операций и лечения подарит тете еще пару месяцев и отнимет еще больше жизни из ее глаз и движений. Тогда стоит ли это новых мучений и бесконечных часов в больнице, часов, которые она может провести так, как ей того хочется?

— Ир, — прошептала Соня, и по голосу племянницы, Ира поняла, что та признает ее право на выбор.

— Я собираюсь к Чу Пену, — тетя поднялась из-за стола и пошла одеваться. — Проводишь меня на маршрутку?

— Конечно, — Соня так сжала чашку, что еще чуть — и та бы треснула. В этот момент она ощущала себя предательницей, которая спрыгнула с тонущего корабля, оставив близкого человека запертым в каюте.

Отношения

Соня молча наблюдала, как Денис перебирает бумаги и проверяет счета.

— Нет, ты видела этот бардак? И Лена мне будет говорить, что это нормально. — Потом он замолчал, заметив странное выражение ее лица. — У тебя что-то случилось?

— Не совсем, — Соня отвела взгляд в сторону. Она не знала, как начать. Для себя она приняла решение: ей следовало жить настоящим, как можно полнее, а не проживать день за днем, как рутину, не замечая их бега. Последняя встреча с Ирой, или ее собственное чудесное исцеление — она сама не знала, что было тому причиной, — но Соня отчетливо ощутила, что время,

отведенное ей, в любом случае не безгранично.

— Ты такая задумчивая сегодня, — он поднялся из кресла и подошел к ней, обошел стул и прикоснулся к ее напряженным плечам, его пальцы стали аккуратно массировать воротниковую зону. Он редко проделывал такие штуки, но это всегда было приятно. Даже когда Соню пугало его навязчивое внимание, телу его движения определенно нравились. Вот и сейчас она закрыла глаза и впервые представила, каково это — быть с ним. Что, если его руки настолько же искусны не только в массажировании плеч, и по телу прошла приятная волна. Машка была тысячу раз права: ей нужен мужчина — так почему бы не попробовать с Денисом, который давно напрашивался на эту роль.

— Денис? — приоткрыв глаза, спросила она.

— М-да? — промурлыкал он.

— Что ты делаешь сегодня после работы?

— Все, что пожелаешь, моя красавица, — проурчал он и, склонившись к ее шее, наградил ее жадным поцелуем. Ласка понравилась Соне меньше, чем массаж, но она не стала делать поспешных выводов.

Денис, как галантный кавалер, сначала накормил ее ужином в уютном итальянском ресторанчике. Меню не подкачало: лазанья оказалась превосходной, а вино и свечи располагали к самым романтическим мыслям. Очевидно, он старался не допустить ни одной ошибки и не упустить свой шанс.

Его квартира, куда они по обоюдному молчаливому согласию прибыли после ужина, оказалась типичным жилищем холостяка. Редкие, сиротливо торчащие предметы мебели, единственный шкаф, в котором хранилась вся его одежда, куча видео- и звукотехники, колонки, какие-то неизвестные Соне устройства, часть из которых оказалась вообще разобрана. Окно без штор и каких-либо занавесок, что сразу ее очень смутило, потому что кровать отлично просматривалась из противоположного дома. Собственно, это не была кровать, а такой же раскладной диван, как у нее дома.

— Снимаю, — пояснил Денис, словно оправдываясь. Но Соня и без объяснений догадалась, что квартира съемная. Слишком грустно она выглядела, и слишком в ней отсутствовало хоть какое-то отражение ее хозяина, если не считать кучки техники.

Кухня и ванная оказались такими же печальными, как и комната. Денис вежливо предложил ей выпить, и Соня согласилась, хотя совершенно не хотела пить. Наверное, только для того, чтобы загладить явную неловкость ситуации. Ей не на чем было задержать взгляд в его доме. Когда они переместились в комнату, и он включил какой-то фильм, Соня уже едва заметно нервничала. Она догадывалась, что произойдет дальше, но все это казалось ей натянутым, каким-то искусственным, а затем в голову пришла совсем уж несвоевременная мысль о том, сколько женщин корчилося и стонало на этом раздолбанном диване, застеленном несвежими простынями.

Денис склонился к ней и начал ее жадно целовать. Потом его руки нашупали ее грудь и соски. Он нежно поглаживал их, сжимая, потом просунул руки под ее бюстгальтер, высвобождая их.

— Не надо, — Соня почувствовала себя совершенно неловко, когда ее голая грудь оказалась снаружи.

— Тише, тише, — шептал он, задирая ей юбку и заваливая на диван. — Все хорошо, я буду очень нежен.

Соня снова задумалась о своем решении, и ее начали одолевать сомнения, которые она тут же постаралась затолкать подальше. Необходимо было хотя бы попробовать, иначе в ее жизни никогда ничего не изменится. Он ведь столько времени добивался ее, значит, испытывает к ней какие-то чувства. Он стабилен, и у него хорошая работа, есть свое жилье — было бы здорово, наконец, жить вместе с кем-то, а не возвращаться каждый день в пустую квартиру. Она смогла бы наполнить его холодильник, повесить на окне шторы, и создать в этом унылом доме уют.

Тем временем Денис уже стащил с нее трусики и стал поглаживать пальцами ее промежность. Соня прикрыла глаза и выгнулась на подушках. Он гладил ее какое-то время, продолжая посасывать ее грудь, а потом навис над ней, упираясь руками по сторонам от ее плеч.

— Ты можешь передумать, если хочешь, — убежденный в том, что она не откажет, предложил он.

— Давай, — прошептала Соня, не доверяя своему голосу. Что за церемонии, если уже она лежит голой в его постели.

И он вошел в нее с тихим удовлетворенным стоном. Соня застонала в ответ и обвила ногами его бедра. Он мерно покачивался над ней, тяжело дыша и забыв о поцелуях. Денис стал взмокшим и сосредоточенным. Когда он ловил Сонин взгляд, его губы расплывались в довольной улыбке, затем он снова отдавался процессу. Но было в его движениях что-то механическое или, вернее даже, безликое, словно он с таким же успехом мог трахать кого-то другого или даже резиновую куклу. Денис был увлечен процессом и своим собственным наслаждением. Потом он неловко содрогнулся на Соне, прерывисто выдохнул и рухнул рядом с ней, лицом в подушку.

— И это все? — подумала Соня, но вслух ничего не сказала, только улыбнулась в ответ, когда он повернул голову и посмотрел на нее. Правду говорят, что безумный секс существует только в романах, в реальности же это возня длиной в несколько минут, в результате которой один получает физиологическую разрядку, а другой с недоумением смотрит в потолок. Но, может, она торопится? Ведь человечество как-то выжило, размножилось? Этого ведь не случилось бы, если бы секс был настолько скучным, верно? Или все они размножились буднично и тоскливо, по расписанию?

— Ты как, нормально? — спросил он, приподымаясь.

— Да, все было замечательно, — улыбнулась Соня.

— Знаю, — усмехнулся он, вставая и заворачиваясь в простыню. — Пойду, чего-нибудь поищу поесть. У меня всегда после секса зверский аппетит. — И, подмигнув ей, Денис отправился на кухню. Последняя его фраза никак не порадовала Соню. Она поднялась и, по примеру хозяина замотавшись в простыню, отправилась следом за ним.

Денис открыл на кухне окно, достал со шкафа пачку сигарет и закурил.

— Ты же не куришь? — удивилась Соня.

— Да, не курю, но после секса...

— Ладно, дальше можешь не продолжать, — Соня устало опустилась на табуретку рядом с ним. — А что с едой?

— Ты голодна?

— Ну, ты же хотел поесть.

— А, это... Сигарета заменяет еду, — ухмыльнулся он, а Соня в очередной раз подумала, какой же он все-таки идиот.

Она смотрела, как кольца дыма летят в открытое окно и ежилась в своей простыне от холода.

— Садись сюда, — похлопал он по своей коленке, — согрею. И Соня послушалась, усевшись ему на руки. Денис неспешно докурил сигарету, выбросил ее в окно, и собственническим жестом обнял девушку. Затем стал небрежно разматывать простыню. Через пару минут Соня с удивлением обнаружила, что он снова возбужден. В этом Денис все-таки отличался от остальных известных ей мужчин в лучшую сторону.

— Хочешь еще? — спросил он, снова давая ей право выбора.

Соня ободряюще улыбнулась и развернулась лицом к нему.

Машка

Маша сгорала от любопытства и не могла дождаться, когда они выйдут из запруженного людьми метро.

— Ну что, рассказывай! Ты претворила свой план в жизнь?

— Какой план, — лениво зевнула Соня, нарочно подсмеиваясь над подругой.

— Знаешь, ты стала жутко вредной! — заметила Маша. — Эти философские изыски как-то плохо на тебе сказались. Или ты пришла к выводу, что все люди — сволочи, и на этом твоя философия закончилась?

— Мусь, ну ладно тебе уже, — потянула ее за рукав Соня. — Да, все было.

— Что? Как? Давай выкладывай подробности! — глаза Маши требовательно засветились.

Они купили в ларьке по пиву и отправились в парк на лавочки. Там Соня обстоятельно рассказала Маше все произошедшее, описав все подробности. При этом Маша все равно не стеснялась задавать уточняющие вопросы.

— Ну и? Тебе понравилось? — в конце, недоумевая, спросила она. — Продолжение будет?

— Знаешь, у меня так давно никого не было, а те, кто был... — Соня промолчала.

Маша понимающе кивнула.

— Так что да, думаю, будет, — усмехнулась Соня. — Мусь, он так ухаживает: двери в машине открывает, цветы дарит.

— А тебя не смущает, что вы вместе работаете? И что он твой... ну, как бы босс?

— Нет, это даже добавляет пикантности, — подмигнула Соня.

— Ага, Денис Батькович, я тут принесла вам документы, не взглянете? И — хлоп на стол перед ним, — и они вместе прыснули от смеха, представив эту сцену.

— Я же не его секретарша, в конце концов, — с нотками оправдания в голосе произнесла Соня.

— Да ладно, я же так, шучу, — извиняющимся тоном заметила Маша. — А я вот снова в поиске.

— А как же Женя?

— Женя? — Маша сделала хороший глоток пива. — Да пошел он к черту, этот Женя. — И они снова вместе рассмеялись.

Мимо проходили парни, кто-то даже заглядывался на них, но Машка корчила такие ужасные рожи, что они в растерянности убегали.

— Зачем ты их отпугиваешь? — спросила Соня. — Ты же в поиске!

— Во-первых, я не знакомлюсь на улице, — Маша загнула один палец, оставив пустую бутылку от пива, — а во-вторых, ну имею я право спокойно поговорить с подружкой?

— Имеешь, — Соня тепло посмотрела на Машку.

— Ты кажешься мне не очень счастливой, — заметила Маша. — Может, с Денисом — это не слишком удачная идея?

— Ты же сама все время подталкивала меня к нему, — усмехнулась Соня.

— Похоже, я ошибалась. Ты не светишься, — грустно улыбнулась подруга.

— Возможно, из-за Иры... — начала Соня и запнулась.

— У нее снова? — встрепенулась Маша.

— Да, — кивнула Соня.

— Хочешь, сходим к бабушке, закажешь за нее за здоровье? Говорят, это помогает.

— Мусь, я в это не верю.

— Во что?

— Да ни во что, — выдохнула Соня, и это была правда. Она больше не верила ни в церковь, ни в религию, ни в волшебных стариков. Верила ли она в любовь? Соня и на этот вопрос не могла ответить утвердительно. Она изо всех сил старалась заполнить образовавшуюся внутри после исцеления пустоту и не могла. Или методы были не те, или с пустотой было что-то определенно не так.

И все?

Денис уже два дня молчал и не обращал на нее ровно никакого внимания. На третий день Соня не выдержала, и когда зашла к нему в кабинет с отчетом, в конце тихо поинтересовалась:

— Что ты делаешь вечером?

— Извини, сегодня я занят, — поднял он на нее от бумаг взгляд. — Как-нибудь в другой раз.

— Хорошо, — смутилась Соня. Все выглядело так, будто она ему навязывается, а она терпеть не могла такие ситуации. Обиженная до глубины души, Соня развернулась и вышла из кабинета.

Вечером он не остался сидеть, заваленный работой, как можно было бы предположить, а подскочил ровно в шесть и умчался, посвистывая и вращая ключи от машины на пальце.

Соня бросила работу на середине, собрала свои вещи и пошла бродить по улицам города. Домой ей не хотелось, с Машей они виделись на днях, а если бы и встретились сегодня, то она явно начала бы жаловаться и ныть, чего Маша никак не заслуживала. Надежду в глазах Иры она видеть тоже не хотела, потому что не могла ей дать ничего взамен. А безнадежность опасалась увидеть и того больше. Соня думала об их вечере с Денисом, прокручивала события так и эдак, винила себя в том, что, вероятно, оказалась недостаточно чуткой или страстной или какой-то еще, но потом решила отбросить все эти глупости прочь. Может, она зря себя накручивает? Ведь у каждого есть своя жизнь, родственники, в конце концов, родители, дела, которые требуют времени. Почему она сразу решила, что ее отфутболивают? Возможно, он на самом деле занят. Заставив себя улыбнуться проходящему прохожему, Соня отправилась домой, чтобы заняться уборкой — она тоже могла провести время с пользой.

— Денис, — она чувствовала себя глупо, стоя в его кабинете. Но прошло уже три недели, а он все также избегал ее. Причем теперь он больше не улыбался и не норовил то и дело похлопать ее рукой по коленке или невзначай размять плечи. Ничего подобного, он стал относиться к ней, как к Зинаиде Петровне — старой непривлекательной бухгалтерше, стервозной и недовольной жизнью.

— Что случилось? — спросила она, нервно сминая листок, который принесла на подпись.

— Ничего не случилось, — отозвался он, и в голосе его отчетливо слышалось раздражение.

— Что значит, ничего? Ты уже три недели не обращаешь на меня внимания! — не выдержала Соня.

— Тихо! — он подскочил к двери и прикрыл ее поплотнее, затем опустил на окнах, ведущих в офис, жалюзи. — Не устраивай скандал, я этого не люблю.

— Какой скандал? Просто скажи, что происходит.

— Ничего не происходит, просто был занят, чего ты нервничаешь. — Он вновь вернулся на свое место, потом поглядел на нее оценивающим взглядом. — Что ты делаешь завтра?

— Свободна, — с излишней поспешностью отозвалась Соня.

— Вот и хорошо, — улыбнулся он, а затем махнул ей в сторону двери.

Соня послушно вышла, а в голове ее снова зароились мысли о том, что, может, она снова себе все надумала, и у них все хорошо. Просто у него действительно были сложные дела.

— Дела? — Маша скептически посмотрела на нее и покачала головой. — Знаем мы эти дела, в короткой юбке и на высоких каблуках. Брось ты его, Соня, забудь. Свинья он, этот Денис.

— Но мы завтра встречаемся, — с надеждой взглянула Соня на подругу.

— И что? Спорим, встреча быстро закончится в его квартире?

— Ну и что, я не против, — пожала плечами Соня.

— Не против, — хмыкнула Маша. — Знаешь, что меня во всем этом радует?

— Что? — спросила Соня.

— Что ты его хотя бы не любишь.

— Почему не люблю, — попыталась возразить Соня.

— Да потому, — устало отозвалась Маша, глядя вслед проходящему парню. — Смотри, симпатичный. Вон, за стойкой остановился, в белой футболке.

Соня посмотрела туда, куда указывала подруга. Да, он был ничего: высокий, широкие плечи, черные слегка вьющиеся волосы до середины спины. Когда он обернулся, оказалось, что у него к тому же жгучие темные глаза. Он наверняка покорило не одно девичье сердце. Что-то дрогнуло в душе Сони, но не из-за красоты парня, а из-за позабытого ощущения утраты, словно пустота в ее душе ожила и зашевелилась, выбирая более удобное положение для своего вечного сна.

— Ага, глаз не оторвать, — с пониманием посмотрела на нее Маша. Но Соня уже не глядела на парня — ее бросило в озноб, потом в жар, а потом она зашаталась, ощутив внезапную слабость.

— Эй, ты как, в порядке? Не надо уж прям так терять голову, — обеспокоено улыбнулась Маша.

— Мусь, мне что-то нехорошо, я пойду на свежий воздух, — пробормотала Соня и взялась за свои вещи.

— Мне пойти с тобой? — встревожилась Маша.

— Нет, оставайся, все нормально, и без парня возвращаться не смей! — напутствовала ее Соня, и подруга, состроив боевую гримасу, помахала ей рукой на прощанье.

На улице Соне стало не особенно лучше. «И почему так происходит?» — задумалась она. — «Ведь все было хорошо». А потом страх затопил ее целиком, когда она подумала, что у нее может быть такой же рецидив, как и у Иры. Больших усилий стоило не помчаться прямо ночью в знакомую больницу и не молотить кулаками в дверь, пока у нее не возьмут все необходимые анализы и не сделают снимки. Но был поздний вечер, практически ночь, и если ее куда и могли принять в такое время, то только в психиатрическое отделение. Необходимо было дожидаться утра — и тогда все решить.

В эту ночь Соня спала плохо: она то и дело просыпалась, смотрела на будильник и со стоном вновь падала на подушку. Дурные предчувствия одолевали ее, вместо спокойных сновидений приходили сплошные кошмары. Она едва дотерпела до утра, иначе это не назовешь, и первым делом, до работы, помчалась в больницу.

Знакомая медсестра Света спокойно выслушала ее сбивчивый рассказ и отвела за ручку, как ребенка, в манипуляционную. В обед Соня договорилась о томографии.

Медицинская тема заполнила все ее мысли, и на работе в этот день Соня отсутствовала —

манекен, сидящий на ее месте, лишь изображал деятельность, а голова была занята одним единственным вопросом: неужели снова?

Врач улыбнулся, глядя на Соню:

— Паникуем?

— Есть что-то? — Соне было не до его шуток.

— Все в порядке, — успокоил он ее.

— Точно? — недоверчиво переспросила Соня.

— Точно, — кивнул он, — и снимки, и все результаты в норме. А что, есть какие-то жалобы?

— Да так, озноб, легкое головокружение.

— Вы часто гуляете, ходите на свежий воздух, хорошо питаетесь?

— Питаюсь нормально, — ответила Соня. — Гуляю — может, и редко.

— Вот и гуляйте почаще и больше ешьте витаминов, высыпайтесь, — посоветовал ей доктор. — Это у вас, скорее всего, сезонное, от утомления. Вы много работаете?

— Работаю? — Соня впервые за день действительно вспомнила о работе и ахнула. Она совершенно забыла об их планах на вечер. Денис наверняка уже ушел с работы в полном недоумении, где она и почему не берет трубку.

— Да, точно, гулять, — выпалила Соня и, дико улыбнувшись доктору, выскочила из кабинета. Впрочем, доктор и не таких видел.

Денис ответил не с первого раза, каким-то ленивым голосом.

— Да, что?

— Прости, тут так вышло, мне срочно надо было уйти по делам. А теперь я свободна.

— А, Соня. Извини, но сегодня у меня ничего не получится, — проговорил он.

— Как? Но почему? Мы же договаривались.

— Планы поменялись, — ответил он уставшим голосом. И когда пауза затянулась, добавил: — Ну, давай, пока.

Только когда он отключился, Соня поняла, что пропущенных звонков не было. Он и не думал ей звонить, не собирался встречаться. Он пообещал ей свидание, чтобы она не закатывала сцен в офисе. Все было еще хуже, чем предполагала Маша. Ее просто использовали и выкинули.

И как теперь работать с ним в одном помещении? Как смотреть на этого упыря? Видеть каждый день, как он улыбается новым девушкам? Как она могла быть такой дурой? Весь этот спектакль из галантности был разыгран только для того, чтобы затащить ее в постель. И то, одного раза с ней ему вполне хватило. Повтора не требовалось.

Чувство жалости к самой себе и отвратительной обиды затопило Соню целиком. Облегчение от того, что она убедилась, что здорова, исчезло, как и не было. Откровение, такая простая истина, обрушилась на нее, слепую дурочку, словно из ниоткуда. Хотя любая другая девчонка уже давно поняла бы, кто он такой и что из себя представляет.

Собутыльник

Соня вышла на улицу и заплакала. Слезы текли по щекам, нос покраснел, а ноги в тонких колготах жутко мерзли.

— Чего сопли развезла? Замерзнешь. — Перед ней стоял непрезентабельного вида бомж с какой-то котомкой, набитой пустыми бутылками и картоном.

— Что, уже пореветь нельзя? — огрызнулась на него Соня. Ей просто необходимо было сорвать на ком-то свою боль и злость. Впервые после долгого перерыва она вновь решила открыться мужчинам — и вот, пожалуйста. Вдогонку к этой мысли пришла следующая о том, что теперь ей неплохо бы провериться на венерические заболевания, потому что Денис ее мог наградить чем угодно со своим стилем жизни. И только законченная доверчивая идиотка могла позволить ему не использовать презерватив. Но ведь все выглядело так, словно она для него одна единственная на всем свете, и он только ее и ждал все это время. Месяцы! Господи, месяцы он не уставал закидывать в ее сторону свои сети! И все это ради одной ночи? Впрочем, он, похоже, был из тех людей, которые закидывают свои сети во все стороны, где только появляется рыба.

— Чего плачешь-то? — бомж поставил свою сумку и устроился сверху, вытягивая из неряшливой куртки початую бутылку водки. — Хочешь? — предложил он Соне, и когда она отрицательно покачала головой, глотнул сам.

— Мужик бросил, — в тон ему ответила Соня. Она сама не знала, зачем это делает, но ей хотелось кому-то выговориться. В конце концов, она могла его послать на три буквы, если ей только что-то не понравится и тут же прекратить разговор.

— А, бывает, — выдохнул он, вытирая рот рукавом после очередного глотка водки. — Может, того, передумаешь? — поплескал он перед ее носом соблазнительной жидкостью.

Соня покачала головой.

— Ну как хочешь. А чего бросил-то? Ты вроде ничего, — бомж бесстыдно осмотрел ее снизу доверху. — Ножки ровненькие, скроена ладно.

— И на том спасибо, — буркнула Соня, начиная понимать абсурдность их беседы. Ну чего его принесло к больнице именно в тот момент, когда она раскисла? Поплакала бы себе в одиночестве и пошла, а теперь вот на тебе — собеседник, от которого так и хочется отвернуть нос.

— Ты не кривись, я чистый, — усмехнулся бомж, и Соня с удивлением поняла, что от него не пахнет ничем неприятным, вопреки ободранному виду. Скорее, наоборот, от него пахло свежестью и ночью, и едва уловимо дымом с неизвестных пепелищ. «Греются что ли у костров?» — подумала Соня и впервые ощутила сочувствие к этому человеку. Она сейчас придет домой в тепло, а он так и останется сидеть в ночи с единственным согревающим в виде крепкого напитка и дырявой куртки не по размеру.

— Дурак он, — произнес ее ночной собеседник.

— Кто? — удивилась Соня, вырванная из своих раздумий.

— Мужик твой.

— Нет, он не дурак, — возразила Соня, — просто сволочь. — И, усмехнувшись, потянулась к бутылке с водкой.

— Не брезгуешь? — ухмыльнулся бомж.

— Так чего, водка же, — пожала плечами Соня.

— И то верно, — согласился он, вручая ей бутылку. Соня сделала один глоток, и у нее перехватило дыхание.

— Боже ж ты мой, — выдохнула она. — Это же не водка.

— Отчего не водка. Водка, — спокойно сказал бомж, забирая бутылку, — только домашняя. Самогон называется.

— Я хоть не умру от этого?

— От этого, — он поднял остаток жидкости, будто произнося тост, — не помрешь.

— А от чего? — спросила Соня в шутку, успокаиваясь и понимая, что если бы самогон был ядовитым, они бы сейчас уже не разговаривали.

— Время покажет, — совершенно серьезно ответил он, и Соня удивленно всмотрелась в его лицо. Оно было не таким уж старым, но обмороженным, покрытым пятнами, а на подбородке и заросших щеках виднелись следы оспы. Если его побрить и отмыть, он был бы, наверное, менеджером среднего звена не хуже Дениса. А как человек, наверное, был даже лучше.

— Спасибо, — сказала Соня, благодаря за угощение и указывая в сторону выхода с территории больницы. — Мне пора.

Он кивнул и молча проводил ее взглядом. Соне казалось, что он смотрит, даже когда она завернула за угол. Но когда девушка оглянулась, позади никого не оказалось.

Прости, Ира

Мама выговаривала Соне в трубку за то, что она давно не появлялась у тети. Соня привычно огрызалась, ссылаясь на занятость по работе, и при первой же возможности закончила разговор. Но сама ругала себя еще сильнее: она действительно забросила Иру на произвол судьбы, увлекшись своими мексиканскими страстями, не принеся ей ничего, кроме разочарования и неприятностей. Теперь Соня активно искала новую работу, потому что больше не могла и не хотела его видеть. Он настолько плевать на нее хотел, что даже не особенно скрываясь, флиртовал прямо на работе с новой девочкой Оксаной. Поначалу она ревновала, потом сердилась и ненавидела, а в последнее время ее просто стало тошнить от одного его вида. Самовлюбленный мерзавец. Подонок. Пустышка.

Соня вздохнула и набрала Иру. Голос тети совсем ослабел, что было плохим признаком. Видимо, именно этот голос и встревожил маму. Конечно же, мама пыталась уговорить Иру отправиться в больницу на обследование, не зная, что обследование уже проведено и результат известен.

— Я зайду к тебе? — спросила Соня.

— Заходи, конечно, — даже в этом тихом голосе слышалась откровенная радость. Соня мысленно пнула себя за все те дни, что даже не вспомнила о тете.

Ира открыла дверь, а между ног ее проскочила на лестничную клетку большая ушастая дворняга.

— Привет, а это еще что такое?

— А это — мой дружок, — улыбнулась Ира, открывая дверь шире и пропуская собаку обратно.

— Ир, ты что, завела собаку? — удивилась Соня. — Так я бы тебе принесла щенка.

— Заходи, — кивнула теть.

— Понимаешь, — сказала она, когда они уселись на свои привычные места на кухне, — Эта собака мне помогла.

— Как помогла? — изумилась Соня.

— Я сегодня ходила в магазин и потеряла сознание.

Соня невольно ахнула.

— Упала, а люди мимо проходят. Ну, кто станет подходить: мало ли, пьяная. А собака вот подошла, лизать стала, скулить — я и очнулась. Хорошо, что быстро, а то на холоде могла так и остаться.

— Господи, Ира, — прошептала Соня, — что ж ты не позвонила. Я бы приехала.

— Так чего звонить? Когда мы домой добрались, все уже было хорошо, — Ира потрепала собаку по голове, а та посмотрела на нее умным внимательным взглядом. Странная была собака: молчаливая и понимающая.

— Ира, тебе нужен присмотр, — заговорила Соня, — тебе больше нельзя оставаться одной, ты понимаешь?

— Даже не начинай, — сердито отмахнулась Ира. — Твоя мать снова запрет меня в больницу. А я не хочу. Мы уже говорили с тобой об этом.

— Но если ты ей объяснишь, не запрет. Она ведь заслуживает того, чтобы знать. Подумай, каким это станет для нее ударом.

— А для меня? — взглянула на нее Ира. — Тем более, за мной уже есть кому присмотреть, правда, дружок? — улыбнулась теть. Собака положила голову ей на колено и завилала хвостом.

— За ним самим ухаживать надо, выгуливать, кормить, привить — еще неизвестно, чем он болен.

— Вот это мне уже точно все равно, — вставила Ира, и Соня не нашлась, что возразить.

— Ладно, — вздохнула девушка, сдаваясь.

— Хочешь чаю? — предложила Ира, и Соня по привычке кивнула.

Когда же чашечка появилась прямо перед ней, испуская пряный аромат, Соню вдруг резко затошнило, и она помчалась в ванную.

— С тобой все в порядке? — раздался через несколько секунд голос из кухни. Это означало, что Ира была так слаба, что ей тяжело было самостоятельно добраться даже до ванной, иначе она бы давно уже была там.

— Все нормально, просто отравилась чем-то, — крикнула ей в ответ Соня, а сама оперлась дрожащими руками о края раковины и смотрела на свое бледное лицо в зеркало. Боже, что с ней? Неужели врачи все-таки ошиблись и что-то не досмотрели? Но она ведь у них давно — они знали, где искать. И нигде не оказалось никаких признаков.

Дверь тихо скрипнула, и Соня поспешно плеснула водой в лицо, чтобы не показываться в таком виде на глаза Иры. Но это была не Ира, а все тот же уличный пес. Он пристально смотрел на Соню, словно способен был что-то понять.

— Да уж, вот такая у нас семейка, — заметила Соня. — С тетей ты уже познакомился — она любит лежать на улице, а это я — выворачиваюсь наизнанку в ванной.

Пес наклонил голову, и если бы у него была рука, наверняка покрутил бы пальцем у виска.

— Да, а еще я пью с бомжами и разговариваю с собаками, — заключила Соня.

Пес подошел к ней и положил голову на край ванной, перегораживая ей дорогу.

— Ты чего? — возмутилась Соня, а потом догадалась, что он хочет, чтобы его погладили, и опустила руку ему на голову. Пес стоял молча, терпеливо ожидая ее первого неуверенного движения.

— А ты хороший, — заметила Соня, усевшись рядом с ним, и уже двумя руками почесывая ему шею, — и тихий.

Пес взглянул на нее и положил ей голову на колени. Было в его обществе что-то настолько расслабляющее и успокаивающее, что на какой-то момент Соня пожалела, что не может оставить его себе. Но тете он точно был нужнее. Почему-то теперь Соне казалось, что случись какая беда, такой пес сможет вовремя залаять.

И уж точно он был лучше большинства мужчин. Пес приблизил к ней свою морду и дружелюбно лизнул в щеку. Соня обалдела, потом рассмеялась и легонько пнула его в бок.

Прощание

— Как Иры не стало? — Соня слушала мамины всхлипы в трубке спросонья и никак не могла поверить в то, что это происходит на самом деле. — Я ведь была у нее сегодня вечером.

Мама что-то невнятно кричала.

— Врачи сказали, что это случилось сегодня ночью, вернее, вечером, — раздался в трубке спокойный голос отца, а всхлипы матери удалились. — Говоришь, ты была у нее сегодня?

— Ну да, сегодня вечером, мы пили чай на кухне, как обычно.

— Что ж, значит, она умерла сразу.

— Но как узнали?

— Соседи услышали шум, стали звонить, а я уже подъехал с запасным ключом.

— Шум, какой шум... — Соня была в прострации.

— Не знаю, — достаточно жестко отрезал отец. — Как ты могла не сказать матери, что у нее рецидив? Ты хоть понимаешь...

Дальше Соня не слушала, она плавала на волнах боли и отчаяния. Так скоро, так быстро, буквально сразу после ее ухода. Ира-Ира... Она должна была догадаться по тому, как та не дошла даже до ванной, по этой собаке...

— А собака? — спросила Соня.

— Какая еще к черту собака?! Ты меня слушаешь?

Нет, Соня не слушала, она медленно опустила трубку, положив ее прямо на пол, а сама села рядом и заплакала. Впервые заплакала по-настоящему. Не так, как от обиды и унижения, которые ей принес Денис, не так, как от страха болезни. А так, как плачут, когда уже свершилось непоправимое.

— Похороны в субботу, — громко сказала трубка, и Соня, не в силах больше ничего слышать, отключила ее.

— Ира, — всхлипнула она и свернулась в жалкий комочек прямо там, у стены. Шум, наверняка, устроил пес — больше было некому, а потом выскользнул, когда открыли двери. Вот его никто и не заметил. Как же это жестоко и несправедливо: когда пришло время, с Ирой оказалась только собака, обыкновенная уличная дворняга. Дружочек, кажется, так она его называла. Последний дружочек.

В субботу весь день шел дождь, мелкий, противный. Вокруг могилы собралась вся родня, даже брат с мальчишками. Деня задорно наматывал круги и что-то кричал старшему брату, а Лидия периодически одергивала его, прикладывая палец к губам и пошикивая. Мать смотрела на Соню, как на врага: после того, как открылось, что у тети был рецидив, она считала ее едва ли не убийцей за то, что дочь ничего не сказала остальным. Соня и сама теперь не уверена была, правильно ли поступила, не стоило ли пойти наперекор тете и все доложить родителям. Потом подумала о том, как сияли глаза тети, когда она отстаивала свое право на выбор, и поняла, что другого выхода у нее не было. Она не могла ее предать и в этом. Соня и так ощущала себя предательницей за то, что осталась жить, а Ира — нет. Хотя ей предназначено было уйти быстрее, чем Ире. Она долго не появлялась, думая о том, что у нее есть некий промежуток времени, запас, до того как все пойдет не так. И что это финальное «не так» растянется на дни, а то и недели. А мир в очередной раз утер ей нос: у него были свои планы, и они не могли рассчитывать даже на какой-то промежуток времени, потому что этот самый промежуток мог составить, как вечность, так и долю секунды.

— Не вините себя, — сказал пожилой мужчина в черном.

— Я ушла, оставив ее одну, — призналась Соня.

— В этом нет вашей вины. Все встречаются со смертью один на один.

Соня подняла глаза на мужчину. Было в его словах что-то знакомое, что-то вроде того, что говорил ей Чу Пен.

— Если бы я держала ее за руку, она не была бы одна.

— Была бы, — спокойно возразил он, и Соня поняла, что он прав, не логикой, не умом, но душой. Ира все равно была бы одна, ведь за грань Соня все равно не смогла бы ее проводить. Существует ли кто-то, кто провожает людей в иной мир? Ведь они не знают, куда идти, они потеряны и зачастую в ужасе.

Соня повернулась, чтобы задать новый вопрос, но незнакомец словно испарился. Она поискала его глазами среди родственников, но, наткнувшись на сердитый взгляд мамы, прекратила поиски.

— Кто это был? — мягко спросила она у брата, когда они уже покидали кладбище.

— Кто? — переспросил он.

— Мужчина средних лет, стоял рядом со мной. Ирын сотрудник?

— Какой сотрудник, — удивился он. — Кроме родных, не было никого.

— Странно, — пробормотала Соня.

— Может, чужой какой, шел с соседних похорон, — пожал плечами брат, ловя одной рукой пролетающего мимо Деню.

Соня пожала плечами в ответ и засемила в неудобных черных ботинках на выход.

— Ты с нами не поедешь? — бросил ей вслед брат.

— Нет, сам видишь, как мама на меня реагирует.

— Ну, ты тоже даешь...

— Хватит, а? — Соня развернулась, зло посмотрела на него и решительно зашагала в другую сторону. И плевать на ботинки и на то, что так она сделает огромную петлю до автобуса. Лишь бы больше не слышать их упреков. Упреков от тех, кто никогда не слышал и не слушал Иру.

«Надеюсь, проводник был нежен и отвел тебя в прекрасные земли, где возможны чудеса. А может, ты уже пробудилась и взираешь на всех нас спящих, как на детей, с безграничной любовью и состраданием. Будь свободна, Ира, как песня на ветру. Не возвращайся никогда в наш сон, лучше мы к тебе, я к тебе, однажды.»

Подарок

Врач-гинеколог смотрел на нее с интересом, как на диковинный экспонат.

— С анализами все в порядке, вы здоровы, — произнес он, потирая переносицу под очками.

— Отлично, — с облегчением выдохнула Соня. Вот уж какого подарка она точно не ожидала, так это что Денис ничем ее не наградил.

— И у вас беременность сроком недель пять-шесть, точнее сказать не могу.

— Что? — Соня потеряла дар речи.

— Одно плодное яйцо, находится в теле матки. Вот на снимке видно...

— Подождите, — Соня отмахнулась от снимка, как от назойливой мухи. — Я беременна?

— Да, — подтвердил врач. — Через несколько недель вам следует стать на учет в своей районной консультации.

— Несколько недель?

— Да, когда будет приблизительно двенадцать недель. Если конечно, вы хотите оставить ребенка, — добавил он, наблюдая за реакцией Сони, — если же нет, тогда вам стоит поторопиться с решением этого вопроса.

— Какого вопроса?

— С абортом, — спокойно пояснил доктор.

Соня вышла от врача белее стен его кабинета. Девочка в приемной даже попыталась ее усадить и предложить воды, но Соня достаточно грубо отказалась от помощи. Она вышла на улицу и побрела в неизвестном направлении. Новость огорошила ее. Единственное, чего она не ожидала — так это того, что забеременеет с одного раза, да еще и в начале своего цикла. Это ведь никак не должно было произойти? Денис мог наградить ее болезнями, разочарованием, но не ребенком! Это же просто смешно! У нее будет ребенок от Дениса? Абсурд!

Соня присела на остановке и потерла гудящие виски. Мимо проносились машины, грохотали фуры и мелькали люди, но она ничего не слышала. Ее мысли полностью сосредоточились на мыслях о ребенке.

Сколько ударов судьба может преподнести одновременно: сначала эта история с Денисом, потом смерть Иры, а теперь вот беременность. У Иры никогда не было детей, и она фактически считала Соню своим ребенком, часто рассказывала ей истории своей жизни, делилась самым сокровенным. Особенно в те дни, когда они сблизилась. Но одну историю она слышала едва ли не с детства, благодаря маме, которая любила ее рассказывать в качестве нравоучения. Это была история о первом и последнем аборте Иры, после которого она так и не смогла больше забеременеть. Так что еще с малых лет Соня прониклась идеей о том, что первую беременность прерывать не стоит, потому что в дальнейшем за это можно слишком дорого заплатить. С другой стороны доктор говорил об аборте, как о чем-то само собой разумеющемся, элементарном и банальном. Но разве не то же самое много лет назад говорил какой-то другой доктор Ире? Ведь едва ли ей сказали, что ее ждет, а Ира, наплевав на последствия, завалилась на стол и сказала «вперед, валяйте!» И что, если и с ней, Соней, случится то же самое? Как она сможет жить дальше, без детей, всю свою жизнь? Ведь у нее так сложно складываются отношения даже с собственной семьей, тогда что она будет делать без близких маленьких человечков? А ведь их судьбы с Ирой так похожи. Неужели она повторит и эту страшную часть ее жизни? Соня покачала головой. У ребенка уже есть сердце, оно бьется, он живой, вероятно, он даже может чувствовать. Кем надо быть, чтобы заставить это сердце перестать биться? Соня содрогнулась и прижала руки к животу. Какая разница, кто

его отец? В конце концов, не больной и не урод, а в остальном — это ее право вырастить ребенка таким, чтобы он не был сволочью и мерзавцем. В этом он не обязан походить на своего папочку. А личная жизнь? Быть может, ей вечно будут попадаться одни лишь кретины, и что тогда? Нарочно ведь трудно решиться на ребенка от кого-то из них, а этот уже есть, уже живет внутри нее.

Оставалась только сложность с тем, что теперь Соне нельзя было поменять работу, а значит, она останется до семи месяцев на старой, до самого декретного отпуска будет ходить перед Денисом с растущим животом. Как ему это понравится? Впрочем, это уже не ее проблема. Пусть его новые Оксаны и Лены смотрят на то, чем это все может закончиться, и на его отношение — и делают выводы, если у них еще есть какие-то иллюзии в отношении этого мужчины. И пусть только посмеет ее тронуть — он не имеет права по закону увольнять беременную женщину, его засудит любой адвокат.

* * *

Маша смотрела на нее недоверчиво.

— Ты спятила, — наконец, выговорила она. — Я, конечно, понимаю, что ты недавно потеряла тетю, но это же твоя жизнь. Ты не подумала о том, что ребенок выдернет тебя из привычного ритма лет так на пять, как минимум. А дальше начнутся новые проблемы, а потом подростковые и так далее в том же духе без конца и края.

— Верно, но нас же с тобой как-то родили — и ничего, — ободряюще улыбнулась Соня.

— Вот и спроси у своей мамы, каково это ничего, — едко заметила Маша.

— Перестань, — Соня отвела глаза.

— Она до сих пор с тобой не разговаривает?

— Нет, — отозвалась Соня, нежно поглаживая живот. С тех пор, как она узнала, что у нее будет малыш, у нее появилась эта привычка.

— Может, ты все-таки взвесишь все еще раз, как следует? У этого ребенка ведь нет отца и никогда не будет.

— Вряд ли у моих детей когда-нибудь был бы отец, давай на чистоту, — произнесла Соня, глядя подруге в глаза. — Если за все эти годы я не нашла никого лучше Дениса, так может, стоит наконец понять, что никого уже и не найду.

— Ты рассуждаешь так, как будто тебе сто лет в обед, но тебе ведь только двадцать шесть! Люди и в сорок выходят замуж, прекрати ставить на себе крест. Дался тебе этот Денис, вот же послал бог уroda. Встретила бы, честно, плюнула ему в его наглую морду: мало того, что жизнь тебе исковеркал, так еще и самооценку опустил ниже плинтуса.

— Да забудь ты о Денисе, — отмахнулась Соня. — Я хочу оставить этого ребенка, я не хочу его убивать, понимаешь?

— Я знаю историю твоей тети, — мягко заметила Маша, — но медицина уже давно шагнула вперед с тех пор. Аборты больше не делают такими варварскими методами, и потом на раннем сроке можно вообще все сделать безболезненно, только не надо с этим затягивать.

— Мусь, это мой выбор.

— Отлично, — Маша всплеснула руками и тяжело вздохнула. Потом долго смотрела на то, как голуби на площади за окном клюют семечки. — Ну, и как мы его назовем? — повернулась она снова к Соне, и та улыбнулась ей от души.

— Еще неизвестно, мальчик это или девочка.

— Если девочка, можно Машкой, — подмигнула подруга.

— Нет, если девочка, — серьезно произнесла Соня, — я назову ее Ирой.

— А если мальчик?

Соня задумалась, потом кивнула.

— А если мальчик, тогда Филиппом.

— Филиппом? — изумилась Маша. — А что, интересное имя, сейчас редко кого так называют. А почему Филиппом?

— Не знаю, — пожала плечами Соня, — просто нравится.

Предсказание

Соня не показывалась у Чу Пена с того самого раза, как он наговорил ей глупостей про исцеливший ее яд. Но с тех пор, как ушла Ира, девушка неоднократно давала себе обещание зайти к нему, хотя бы в память о тете. Ведь Ира доверяла ему, слушала его истории, верила его словам. Соне казалось правильным хотя бы сказать ему, что Иры больше нет. И потом, с тех пор как она забеременела, Соня изменила взгляд на многие вещи. Может, это были гормоны, а может, она наконец повзрослела.

Сатрый китаец махнул ей, приглашая в маленькую комнату за залом, где они раньше провели кучу времени вместе. Соня с тоской повела пальцами по низенькому столику и устроилась на подушках перед ним.

— Чай будешь? — спросил Чу Пен, доставая чайничек, и не дожидаясь ее отказа, добавил: — я заварю легкий, травяной, без чайных листьев. И Соня охотно согласилась: ей всегда нравился сам процесс чаепития с Чу Пенем, но в последнее время она стала не переносить вкуса собственно чая.

— Иры больше нет, — сказала Соня, делая маленький глоток из крохотной чашки. Чу Пен не обманул: травы пахли великолепно, не вызывая никакого отторжения в ее обостренных органах чувств.

— Да, я знаю, — кивнул Чу Пен, — она была хорошим человеком.

— Знаете, но как? — удивилась Соня.

— Девочка, — мягко произнес старик, — я вижу, когда чья-то сила растворяется навсегда, исчезает из этого мира. Это все равно что видеть яд Табрала, только проще.

— Вы снова об этом яде...

— Ты так и не вспомнила? — взглянул на нее Чу Пен, — а должна бы уже. Ты ведь снова им отравлена.

— Я недавно проходила обследование, — твердо заметила Соня, решив отгородиться мысленно от любых предсказаний старика. Она скоро будет мамой: ни к чему ей все эти мрачные рассказы. Хотя то, что он каким-то образом понял, что Ира умерла, заинтриговало ее.

— Да, — кивнул Чу Пен, — вернее, не ты, а кое-что внутри тебя.

— О чем вы? — встревожилась Соня. Он понятия не имел о ребенке, и никак не мог о нем знать. Потом, врач ей сказал, что с беременностью все в порядке, и она здорова.

— Ребенок внутри тебя, — произнес старик, — он не выживет. Мне жаль, — Чу Пен налил ей и себе по новой чашечке чая.

— С чего вы взяли, что у меня вообще будет ребенок? — возмутилась Соня.

— Вижу, — просто ответил Чу Пен.

— Допустим, но зачем вы мне говорите, что он не выживет? Я ведь только решила его оставить. Этой был мой выбор: жить ему или нет. И я решила, что он будет жить, — Соня говорила поспешно, сбивчиво, начиная не на шутку нервничать.

— Не нам решать, — покачал головой Чу Пен. — Он уже принадлежит Табралу, поверь мне, и тут ничего не поделаешь.

— Какому Табралу? — едва не заорала Соня, и Чу Пен спокойно, не спеша, вновь пересказал ей старую легенду.

Каждое его слово ложилось в ее сердце будто на свое старое место, так, словно она всегда это знала. Соня слушала, и отчаяние затапливало ее все сильнее, безысходность.

— Зачем ему забирать детей? — тихо спросила она. А в голове проплывали и исчезали в бесконечности картины, которые она рисовала раньше: вот она сообщает Денису о том, что беременна, и решила оставить ребенка и надменно уходит прочь, не обращая внимания на его вопли, вот она рождает самого красивого на свете малыша, вот они с Машкой нянчатся с ним вместе, дают ему имя, Филипп.

— Он забирает тех, чье время пришло, независимо от возраста, — пожал плечами Чу Пен. — Пей чай, — он подвинул к ней маленькую чашечку, — мы все здесь всего лишь гости.

— Да, но почему другие гостят семьями, а я все время одна? — горестно возмутилась Соня, проглатывая чай вместе со слезами.

— Ты снова задаешь слишком много вопросов, — пробормотал он, разглядывая стенки своей чашки.

Соня замолчала, но мысли не умолкали. Кем бы она ни считала Чу Пена, сейчас она понимала, что каким-то образом он знает истину, и то, что он говорит — правда. Врачи со временем, возможно, найдут проблему, а скорее, на таком маленьком сроке уже признают ее постфактум. Чу Пен же обладал даром видения, и говорил ей то, что происходило сейчас.

— Вы говорили, что меня исцелил его же яд, — с надеждой произнесла Соня. — Так может, то

же самое случится и с ребенком?

Чу Пен посмотрел на нее, как на сумасшедшую.

— Скорее, этот же яд будет убивать все чужеродные клетки в твоём организме. Боюсь, ты сохранила в себе суть этого яда, и теперь она снова пробудилась, возрожденная к жизни, чтобы уничтожать.

— Это значит, что я никогда не смогу... — Соня замолчала на полуслове.

— Боюсь, что так, — заметил Чу Пен.

— А Ира... у Иры было то же самое? — с замиранием сердца спросила она.

— Нет, — покачал головой Чу Пен. — Вы — разные люди, и у вас разные судьбы.

— Что же мне делать? — в отчаянии спросила Соня.

— Избавиться от иллюзий, — ответил старик, перекладывая ноги и прикрывая глаза. Он снова погрузился в себя, и, слушая, как выровнялось и замедлилось его дыхание, Соня поняла, что это надолго. Она тихо поднялась, чтобы не потревожить его, и вышла из комнаты.

Сны

Соня лежала дома на кровати и бесцельно смотрела в потолок. У нее уже несколько дней тянул низ живота, но она списывала это все на утомленность и нервы. А оказывается, это были первые признаки того, что с ее беременностью что-то не так. Побывав у Чу Пена, она перечитала кучу литературы на тему сохранения беременности в первом триместре и убедилась только в одном: если это была угроза срыва, тогда можно было еще что-то сделать — пить кровоостанавливающее, гормоны, в конце концов, лечь под капельницу, но в том случае, если ребенок просто замирал, ничего сделать было нельзя. Это была смерть, маленькая, скрытая глубоко внутри, но, тем не менее, смерть. И больших взрослых людей, к которым легко добраться и у которых можно спросить, что у них болит, не всегда спасали, а двухмесячного малыша... у него не было никаких шансов. Она пошла на узи на следующий день, и доктор снова ей сказал, что с ребенком все в порядке, выписал какие-то витамины, рекомендовал больше отдыхать, чтобы тянущие ощущения прекратились. Он не видел того, о чем говорил Чу Пен. А Соня ощущала, что часы маленького человечка внутри неумолимо истекают.

— Филипп, не уходи от меня, — прошептала она перед тем, как заснуть.

Люди на площадке, усыпанной листьями, кружили в вальсе. Они все были молодыми и улыбались. Но среди них был один человек, который с легкостью менял пары, после чего его партнеры просто растворялись в воздухе, исчезали, словно их никогда и не было. Так, вскоре, вся площадка опустела, осень сменилась зимой и пошел пушистый белый снег. Его хлопья оставались на его черных волосах и не таяли, делая его лицо еще более выразительным в этом черно-белом обрамлении. Темные глаза пристально смотрели на Соню, из приоткрытых губ вырывался пар.

Она знала его. Где-то недалеко мелькнула девушка с запавшими глазами, нервно переминающаяся с ноги на ногу, с сигаретой в руках, потом появилась и растаяла добрая улыбка Иры, а потом девочка лет семи помахала ей ручонкой и потянула Табрала за полу плаща, намекая, что им пора уходить.

— Табрал, — узнала Соня, и слезы покатились из ее глаз. — Не уходи, прошу тебя. Умоляю, только не уходи. — Она прожигала его взглядом, дрожала, тянула к нему руки. Воспоминания накатывали на нее волна за волной: вот его руки гладят ее тело, дотрагиваются до каждой клеточки, доставляя невероятное наслаждение, вот его губы изучают каждый ее изгиб, заставляя ощутить себя бесконечно живой, вот его волосы рассыпаются по ее плечам и щекочут грудь, когда он занимается с ней любовью, а сердце готово вырваться наружу, когда он так искренне и нежно смотрит на нее. Ее любовь, ее единственный мужчина, сама смерть.

— Табрал, — Соня открыла глаза в темноте, лицо было мокрым от слез, — как я могла забыть, — простонала она и уткнулась в подушку, чтобы заглушить рыдания. Ее кулаки вонзались в ничем не повинную ткань от отчаяния, радости и боли одновременно. Как она могла забыть? В этот миг она ненавидела себя: как она могла пытаться заменить его кем-то вроде Дениса? Как ее не стошнило прямо у него в кровати от одного его прикосновения? Как можно сравнивать мечту и кусок грязи на ботинке? Он подарил ей жизнь. Это он подарил ей жизнь, спас ее. И как она распорядилась этой жизнью? Едва не слила ее в унитаз. Она предала его, она предала их мечту, часы, проведенные с ним вместе. Сейчас она желала провалиться в глубины ада без провожатых, чтобы навеки остаться там, где ей и место.

— Прости меня, — глухо всхлипнула Соня, понимая, что ей нет прощения.

— Это жизнь. Неужели ты думаешь, я не знаю этого? — услышала она спокойный голос из угла комнаты. Соня оторвала заплаканное лицо от подушки. Он сидел там, в темноте, в реальности, не во сне.

— Я предала тебя, — прошептала Соня, казня себя. — Я все испортила.

— Нет, ты жила. Я сам этого хотел. Чтобы ты жила своей жизнью.

— Но ведь не так, я ведь могла... выбрать любую жизнь, — Соня села в кровати и вытерла простыней глупые слезы.

— Ты и выбрала.

— Если бы я только знала, помнила... — ее глаза вновь заблестели от слез.

— Тогда что? — спросил он.

— Я бы искала тебя.

— А если бы не нашла? — он забросил ногу на ногу и глядел на нее из темноты, отчего казался ей почти нереальным.

— Тогда ждала бы...

— Сколько?

— Вечно, — прошептала Соня, опуская взгляд.

Он поднялся из кресла, пересек комнату и присел к ней на кровать.

— Тогда прости меня.

— За что? — изумилась Соня.

— За то, что я не выполнил свой долг и заставил тебя жить дальше.

Соня не знала, что ответить на его слова. Он не извинялся за то, что они не вместе? За то, что вынужден был покинуть ее? А только за то, что оставил ей жизнь? Не выполнил свой долг?

— Так ты пришел за мной? — спросила она.

— Нет, — покачал он головой. — За ним, — и Табрал указал на ее живот.

— Это правда, что все мои дети будут умирать? — осмелилась спросить Соня.

— Я не могу этого изменить, — отвел он взгляд. Неужели ему все-таки было не безразлично, неужели он хотя бы испытывал сожаление?

— Ты хочешь его? — тихо спросил он.

Соня молчала. Когда она принимала решение оставить ребенка, она не знала ничего о Табрале. Теперь она помнила и отдала бы все на свете, чтобы этот ребенок был от него.

— Нет, — честно ответила Соня. — Если бы только он был... — вырвалось у нее, и она осеклась.

Табрал медленно взял ее лицо в свои ладони.

— Ты бы хотела ребенка от меня?

Соня молча смотрела на него, только глаза выдавали всю правду без остатка.

— Ты понимаешь, кто я? — мягко спросил он, глядя на нее, как на ненормальную.

— Да, смерть, — тихо отозвалась она.

— Демон смерти, — поправил он. — Я не выбираю ни своих жертв, ни время.

— Для меня ты ангел, — прошептала она, высвобождая лицо из его рук.

— Ты совершенно сумасшедшая, София, — отозвался он, но в его голосе вместо осуждения прозвучало тепло.

— Лучше быть сумасшедшей, но видеть тебя, чем целую жизнь метаться среди людей, ощущая эту гложущую пустоту внутри, пустоту, которая осталась после тебя, после того, как ты исчез из моей жизни.

— Я заберу его, — кивнул он на ее живот, — и снова исчезну из твоей жизни.

— Нет, — вскрикнула она и схватила его за руки. — Табрал, пожалуйста... — она не могла найти подходящих слов, слов, которые бы его убедили. Что может противопоставить обыкновенный человек, женщина, демону смерти?

Ее глаза умоляли его, чуть припухшие после сна губы были приоткрыты, грудь от беременности слегка округлилась и теперь выглядела еще красивее, чем раньше. Пусть у нее и был роман с каким-то идиотом, даже не оценившим то сокровище, которое ему досталось на короткий миг, Табрал знал, что она того человека никогда не любила. По сути, она никогда не изменяла ему, и никогда не предавала. Он смотрел в ее душу и знал, что оставь он ей память, она бы ходила месяцы напролет, босая по холодному снегу, без еды и питья, и искала его,

заглядывая в лица всех прохожих. Она принадлежала ему с самого начала, еще задолго до ее болезни. Она всегда принадлежала ему и лишь ждала, чтобы он пришел за ней.

— Пожалуйста, — беспомощно и в отчаянии снова прошептала она.

— Не бойся, — он расстегнул рубашку и прилег на кровать рядом с ней. — Ты помнишь мой дом?

— Да, я скучаю по твоей кровати, — призналась она, глядя на него недоверчиво и опасаясь, что в следующую секунду он исчезнет, а она снова все забудет.

— А мне нравится твоя, — ответил он, подпирая голову одной рукой и глядя на нее. — И окна, которые выходят в сад из спальни.

— Да, за это я люблю этот дом, — согласилась она.

— Скажи, — добавила она, немного помолчав, — ты был бережен с Ирой? Как все случилось?

Табрал мягко опустился с кровати на пол и положил голову ей на колени.

— Что ты делаешь? — удивилась Соня, а он взял ее руку в свою и погрузил ее пальцы в свои волосы, молча и пристально глядя на нее. Соня провела пальцами по его волосам, раз, другой, и все это показалось ей странно знакомым. А потом она пораженно произнесла: — Дружочек?

— Я был бережен с ней, — ответил он, прикрывая глаза от удовольствия. Он скучал по ее прикосновениям, и даже в облике собаки наслаждался ими.

— Ты лизнул меня в щеку, — обалдело вспомнила Соня.

— Да, — усмехнулся Табрал. — Вообще-то, это был поцелуй.

— Кем еще ты был? — подозрительно поинтересовалась она, убирая руку.

— А ты как думаешь? — склонил он голову набок, поворачиваясь к ней.

— Ну, не Денисом, это точно, — пробормотала опешившая Соня.

— Нет, — скривился Табрал, — минус одно очко.

— Бомж? — вопросительно посмотрела на него Соня.

— Плюс один, — кивнул демон.

— Ты меня поил самогоном! — возмутилась Соня.

— Ты сама захотела, — пожал он плечами. — Потом, лучше глоток самогона, чем неделя в постели с простудой. — Он откровенно забавлялся. Господи, да он не оставлял ее ни на неделю в покое. Он всегда был рядом, вокруг.

— А еще?

— Ну же, потрудись сама, — подзадоривал он.

— Гинеколог? — смутилась Соня.

Табрал закинул голову назад и рассмеялся.

— Точно нет, стопроцентно нет.

Соне стало легче на душе от его хорошего настроения, и самой захотелось рассмеяться без особенной на то причины. Что она делала? Демон смерти пришел за ее ребенком, после чего она его больше никогда не увидит, ну, разве что забеременеет снова, тогда он придет за очередным ее ребенком, она только что узнала, что у нее никогда не будет детей, жизнь ее рухнет окончательно, как только он снова исчезнет, а она сидит с ним рядом и смеется.

— Тогда кто? — настаивала она сквозь смех.

— Незнакомец на кладбище, — наконец, сознался он, и Соня погрузилась.

— Ты, правда, не виновата, — сказал он, вновь беря ее лицо в руки и нежно целуя Соню в губы.

Его рубашка полетела на пол, туда же последовали его брюки, а потом он не спеша стянул с нее простыню.

Его тело было таким же, каким она его запомнила, словно между этой ночью и предыдущей не пролегли долгие месяцы. Как же она скучала по нему, по его запаху, по бархатистости его кожи — только теперь, когда он был над ней и в ней, она снова это отчетливо поняла. Для Софии не существовало мира без него, он был ее центром вселенной, и она должна была вращаться вокруг. Она снова отдавала ему себя всю без остатка, но на этот раз он знал, что все ее эмоции, стоны и трепет принадлежат ему и только ему.

Он проводил пальцами по ее спине, шептал нежные слова, дул на волоски на ее коже, улыбаясь так, как будто она была его богиней. Он кончал одновременно с ней, вознося ее на вершины блаженства. Это была любовь, настоящая, а не то убогое трение тела о тело, которое получалось, когда в постели оказывались два чужих изголодавшихся по сексу человека. Секс с ним был поэмой любви, он дарил ощущение света и полета, а не разочарования и сожалений. Она умирала и рождалась в его руках снова и снова.

— Я люблю тебя, — прошептала она, когда рассвет забрезжил в окне спальни, а он спал рядом, утомленный после ночи любви, и только черные ресницы подрагивали на его веках.

Соня испытывала сейчас такую нежность к нему, что не могла выразить словами. Он делал ее счастливой, с ним все становилось другим, и жизнь приобретала глубину и краски. Она смотрела на его лицо и не могла оторвать глаз, настолько совершенным оно было. Даже спящий он казался ей прекрасным божеством, сошедшим с небес к ней. Но сколько Соня ни крепилась, усталость взяла свое, и она погрузилась в глубокий сон без сновидений.

Мечты сбываются

Утро субботы встретило ее одну на скомканной постели. Соня подскочила и осмотрелась по сторонам. Она все помнила: воспоминания о последней ночи сохранились в ее сознании до малейших деталей. Единственное, она не могла с уверенностью сказать, что это был не сон. Никаких доказательств прошлой ночи просто-напросто не существовало. Но у нее еще никогда не было настолько реалистичных снов. Соня машинально опустила руку вниз и погладила свой живот: он еще немного тянул, но уже значительно меньше, и вообще она ощущала себя намного бодрее, так, словно, наконец, нашла свой смысл жизни.

Девушка в приемной на нее уже откровенно косилась. Но что было делать: пусть ее сочтут хоть

сто раз озабоченной, но Соня хотела знать, что происходит с ребенком.

Врач в очередной раз заверил ее, что переживать не о чем и выписал успокоительное.

Соня вышла из клиники озадаченная. Почему Табрал не только не забрал у нее память, как в прошлый раз, но и оставил ребенка? Ведь если он приходил за ним, ребенок уже должен был быть мертв, а она — направлена на чистку.

Пребывая в глубоких раздумьях, Соня даже не заметила, как возле нее остановилась машина и оттуда вышел Денис. Она обратила на него внимание только тогда, когда он схватил ее за руку:

— У тебя что, со слухом проблемы? — вместо приветствия начал он. — Что ты делала в клинике? И не изображай, что не понимаешь, о чем я. Я видел, как ты выходила.

— Что тебе от меня надо? — Соня попыталась освободиться, но он вцепился в нее, как клещ.

— Ты чем-то больна? — его глаза опасливо бегали.

— Я беременна, — выпалила Соня и тут же пожалела.

— Как? — пальцы на ее руке разжались.

— Обыкновенно, — Соня смотрела на него с отвращением. Как она могла быть с таким человеком, как он?

— И что ты решила? — его лоб покрылся испариной. — Я знаю хорошего врача, еще ведь не поздно, верно? И, если надо, могу одолжить тебе денег.

— Каких денег? — надменно поинтересовалась Соня.

— На аборт, — ответил он.

— Я не собираюсь делать аборт, — произнесла Соня, наблюдая за его выражением лица. Как долго в своих фантазиях она рисовала себе эту сцену: что ж, реальность превзошла все ее ожидания. Казалось, глаза Дениса сейчас вылезут на лоб, а потом он покраснел.

— Ты спятила? Что значит не делать? Мне не нужен этот ублюдок.

— Ублюдок — это ты, — отчеканила Соня каждое слово. — А ребенок — не твой, — выдала она под занавес и под обалдевшим взглядом Дениса развернулась и пошла прочь.

Эмоции кипели в ней, как в котле, всю дорогу домой. Она всеми фибрами своей души ненавидела Дениса. Как он мог быть таким мерзавцем, и как она могла не рассмотреть этого сразу? И очень надеялась, что у малыша не будет ничего общего с его отцом.

Соня открыла дверь и прямо с порога ощутила запах кофе и свежих булочек.

Она прошла по коридору, не снимая обуви, и заглянула на кухню. Табрал, в одних джинсах, обнаженный до пояса, хозяйничал у ее плиты.

— Табрал? — Соня опустилась на табуретку, раскрыв рот от изумления.

— Ты должна хорошо питаться, а у тебя в холодильнике тараканы повесились, — заметил он.

— Мышь повесилась, — машинально поправила его Соня.

— Тебе виднее, — отозвался он, оборачиваясь и ставя перед ней на стол миску со свежими булочками и две чашки кофе.

— Что ты делаешь? — слабым голосом поинтересовалась она.

— Кормлю тебя завтраком, — кивнул он на стол и присел напротив, беря булочку и с аппетитом впиваясь в нее зубами.

— А что с моим ребенком? — недоверчиво спросила Соня, потянувшись к ближайшей чашке.

— С нашим ребенком, — поправил он ее, — все будет в порядке.

— Нашим? — переспросила она.

— Вчера ночью, когда мы были вместе... — он замолчал, опуская надкушенную булочку на стол и становясь серьезным, — моя суть заменила отцовскую часть ребенка.

— То есть теперь это твой ребенок? Но как такое возможно?

— Я могу попытаться объяснить тебе, если хочешь. Это чем-то схоже с тем, как я забираю людей.

— Яд, — прошептала Соня, начиная понимать. — Но ведь твой яд убивал его во мне.

— Он убивал отцовскую днк, — покачал головой Табрал. — Теперь, когда там только ты и я, — показал он на ее живот, — ребенок в безопасности.

— И кем он будет? — все еще находясь в шоке, спросила Соня.

— Тебя интересует, будет ли он человеком? — усмехнулся Табрал.

— Да, — кивнула Соня.

— Наполовину, — легко ответил он, а потом вновь пристально посмотрел на нее.

Соня сидела, не в силах поверить в реальность происходящего. Ей то и дело казалось, что она спятила и теперь не покидает своих фантазий.

— София, — тихо позвал ее Табрал, подошел к ней и обхватил ее колени, опустившись перед ней на пол.

— Это на самом деле? — жалобно спросила она.

Табрал широко улыбнулся: Соня еще никогда не видела его таким счастливым.

— Какая разница, — тихо произнес он, заключая ее в объятия и нежно целуя.

— Ты остался со мной и у нас будет ребенок? — Соня покачала головой. — Я точно спятила. Вот только не могу понять, в какой момент. Неужели, когда я ляпнула что-то Денису, он ударил меня по голове?

— Жизнь иногда страшнее смерти, — проговорил Табрал, мрачняя.

— О чем ты? — не поняла Соня.

— То, что ждет его еще в этой жизни, страшнее многих смертей, — загадочно произнес он и закрыл эту тему.

Ее руки касались его тела, в воздухе витал знакомый запах, а живая тьма клубилась в необыкновенных глазах. Так действительно, какая ей разница, происходит это на самом деле или нет? Если это сон, то пусть он длится вечно.

Соня прижалась к нему крепче и пообещала себе, что никогда больше его не забудет, даже если мир рухнет.

— Я тоже люблю тебя, — прошептал он ей на ухо.

Соня вскинула на него удивленный взгляд.

— Я не спал, — улыбнулся он. — А теперь мне пора... на работу.

— Будь помягче с ними, — попросила Соня.

— Это не от меня зависит, — пожал он плечами.

— Я буду ждать тебя, — прошептала София вслед, глядя как он уходит.

— Я вернусь, — его глаза сверкнули в темноте коридора.

Она была, пожалуй, единственным человеком, кто с такой страстью и нетерпением ждал его прихода, и всегда будет ждать. И сознание того, что внутри нее растет маленькая частичка Табрала, согревало сердце в его отсутствие. Теперь они неразлучны, всегда вместе: удар ее сердца и три удара его маленького трепыхающегося сердечка. Музыка, которая наполняла ее счастьем и жизнью, несмотря на то, что она ежедневно смотрела в дорогое ей лицо смерти.